

МАРТИН БЕРГ

ХРОНИКИ УТРАЧЕННОГО НЕБА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОДМЕНЫ

Шокирующее свидетельство о подмене веры ненавистью и властью.

Хроники
утраченного неба:
история одной подмены

Мартин Берг

Оглавление

Пролог

Глава 1: Литургия войны

Глава 2: Изобретение врага

Глава 3: Очищение рядов

Глава 4: Проектировщик подмены

Глава 5: Тень государства

Глава 6: Генеалогия ненависти

Глава 7: Глобальная паутина

Глава 8: Технология расчеловечивания

Глава 9: Преданное Евангелие

Глава 10: Свидетельство тишины

Пролог

Тишина наступает не тогда, когда смолкают звуки. Настоящая тишина приходит, когда слова теряют свой вес. Когда то, что веками служило мостом между человеком и Небом, превращается в бетонную стену, о которую разбивается совесть.

Я пишу эти строки не для того, чтобы спорить. Время споров прошло. Спорить можно о богословских тонкостях, о литургических обрядах или исторических датах. Но нельзя спорить с катастрофой, когда она уже произошла. Можно лишь стоять посреди руин и фиксировать: здесь был алтарь, здесь — амвон, а здесь — живое человеческое сердце, которое теперь заменено механизмом. Я — свидетель. Не судья, не прокурор и не адвокат. Моя задача — оставить документ. Записать то, как именно произошла подмена. Как незаметно, шаг за шагом, живая ткань веры была разъедена кислотой ненависти, которую нам продали под видом «защиты традиций».

Всё изменилось не в один день. Это не случилось внезапно, как удар молнии. Это было похоже на медленное отравление, когда организм перестает различать яд и пищу. Но у этой болезни была точка невозврата. Для меня, как и для многих, кто сохранил способность слышать, этой точкой стало 25 сентября 2022 года. День, когда в храмах зазвучала не молитва, а приказ. День, когда слова, обращенные к Богу, были окончательно приватизированы земной властью.

Мы привыкли думать, что зло приходит в мир с грохотом канонады и лязгом гусениц. Это ошибка. Зло приходит тихо, в шуршании бумаг, в «экспертных заключениях», в методичках, написанных сухим канцелярским языком. Оно приходит под маской благочестия. Оно не говорит: «Я хочу убивать». Оно говорит: «Я хочу защитить вас от опасных сект». Оно не говорит: «Отрекитесь от Христа». Оно говорит: «Освятите меч во имя нации».

Я видел, как менялись лица людей в храмах. Я видел, как из глаз уходил свет, уступая место подозрительности. Я видел, как священники, призванные говорить о Любви, начинали говорить о Врагах. Это превращение было страшнее любой физической разрухи, потому что оно разрушало саму

возможность убежища. Церковь, которая должна быть ковчегом спасения, на наших глазах перестраивалась в военный корабль.

За этим процессом стояла не случайность и не просто «дух времени». У этой катастрофы есть идеологи. Есть люди, которые годами, десятилетиями выстраивали сеть, набрасывали её на сознание верующих, как рыбак набрасывает сеть на улов. Они ввели в наш язык слова-маркеры, слова-клейма: «секта», «деструктивный культ», «агент влияния». Они научили нас бояться инакомыслия больше, чем греха.

Главным инженером этой конструкции, её идеологом и мотором, стал человек, чье имя будет звучать на этих страницах не как обвинение, а как диагноз — Александр Дворкин. Но дело не только в нём. Дело в том, что мы позволили этому случиться. Мы позволили подменить Христа — «экспертом», а Евангелие — «сектоведением».

Эта книга — попытка понять механику расчеловечивания. Как получилось, что молитва о мире стала преступлением? Как вышло, что защита веры превратилась в охоту на людей? Почему молчание пастырей стало громче крика жертв? Я пишу это для тех, кто будет жить через десять, двадцать, пятьдесят лет. Когда пыль осядет, когда имена нынешних властителей станут лишь строчками в учебниках истории, этот текст должен остаться свидетельством того, что не все согласились на подмену. Что даже в самые темные времена были те, кто помнил: Бог не бывает поругаем, но люди могут быть обмануты. Это хроника утраченного Неба. Это история того, как вера стала инструментом насилия. И это, возможно, последняя попытка назвать вещи своими именами, пока язык еще окончательно не превратился в новояз.

Читайте это не как публицистику. Читайте это как протокол осмотра места происшествия, где жертвой стала сама душа народа.

Глава 1: Литургия войны

25 сентября 2022 года воздух в алтарях Русской Православной Церкви изменился. Это не было физическим явлением — запах ладана остался прежним, мерцание лампад не потускнело, и золотые ризы священников всё так же блестели в лучах осеннего солнца. Но любой, кто сохранил хотя бы рудиментарный слух к духовной реальности, почувствовал: произошло смещение тектонических плит. В этот день, воскресенье, в храмы спустился не Святой Дух, а циркуляр.

Патриарх Кирилл (Владимир Гундяев) 25 сентября 2022 года впервые публично произнес и благословил к употреблению «Молитву о Святой Руси» (ее текст в тот же период был опубликован на официальных церковных ресурсах). Это событие, на первый взгляд кажущееся внутрицерковной бюрократической процедурой, на деле стало точкой невозврата, моментом, когда Церковь официально, литургически и риторически отреклась от своей надмирной природы, чтобы стать департаментом по идеологическому обеспечению фронта.

Текст этой молитвы, распространенный и закрепленный как предписываемый к чтению на богослужениях, заслуживает того, чтобы в него вчитаться не глазами лояльного чиновника, а глазами христианина, помнящего Евангелие. Внешне он стилизован под традиционную церковнославянскую вязь. Но за архаичными оборотами скрывается жесткий, современный политический манифест.

«...се бо брани хотящия ополчишася на Святую Русь, чающе разделить и погубити единый народ ея», — гласит текст.

Здесь, в самом начале молитвенного обращения, происходит первая и самая страшная манипуляция. Литургическое пространство, которое по своей природе должно быть пространством Истины, используется для трансляции пропагандистского нарратива. Реальная, кровопролитная война в пространстве храма перекодируется в миф о «нападении на Святую Русь». Бог, к Которому обращена эта молитва, ставится в положение потребителя новостей федеральных каналов. Ему, Всевидающему, священник обязан докладывать политинформацию: нас хотят разделить, на нас ополчились.

Но самое страшное происходит дальше. Ключевое прошение этой молитвы: «Возстани, Боже, в помощь людям Твоим и подаждь нам силою Твоею победу».

В этот момент христианство в стенах РПЦ заканчивается, и начинается племенной культ. Веками Церковь молилась о мире. «О свышнем мире и спасении душ наших», «о мире всего мира» — эти прошения звучат на каждой литургии. Мир в христианском понимании — это не просто отсутствие стрельбы, это присутствие Бога. Христос оставляет ученикам мир («Мир оставляю вам, мир Мой даю вам»). Победа же — понятие земное, военное, всегда сопряженное с насилием, унижением проигравшего и триумфом силы.

Заменив молитву о мире на молитву о победе, патриархия совершила акт духовного дезертирства. Она отказалась быть матерью, оплакивающей всех своих детей по обе стороны линии фронта, и решила стать политруком, вдохновляющим одну часть детей на убийство другой. Бог в этой конструкции перестает быть Отцом Небесным. Он превращается в языческого идола, племенного божка, чья единственная функция — обеспечить военный успех «своим» против «чужих».

Это не просто богословская ошибка. Это антропологическая катастрофа. Верующему предлагается молиться не о том, чтобы ад на земле прекратился, а о том, чтобы ад победил под правильным флагом. Внедрение этой молитвы стало идеальным административным инструментом. В современной церковной практике молитва превратилась в приказ. Не порыв души, не крик о помощи, а тест на лояльность. Текст молитвы стал маркером, отделяющим «своих» от «предателей».

Система, выстроенная внутри РПЦ, сработала мгновенно и безжалостно. Настоятели храмов, благочинные, епископы превратились в надсмотрщиков, следящих за тем, чтобы «правильные слова» звучали в каждом алтаре. Отказ читать эту молитву или — что еще опаснее — попытка молиться о мире, стали рассматриваться как должностное преступление.

Именно здесь, на стыке совести и приказа, проявился истинный масштаб трагедии. Мы увидели, как священники, десятилетиями проповедовавшие о

любви и милосердии, вдруг сжались от страха. Страх потерять приход, страх лишиться сана, страх оказаться на улице перевесил страх Божий.

Но были и те, кто не смог переступить через Евангелие. История священника Иоанна Коваля стала символом этого тихого, но отчаянного сопротивления. Отец Иоанн не был бунтарем, не был политическим активистом. Он был пастырем, который просто не смог произнести слово «победа» в обращении к Богу, Который есть Любовь. В тексте молитвы он заменил единственное слово. Вместо «победу» он произнес «мир».

«Возстани, Боже, в помощь людям Твоим и подаждь нам силою Твоею мир».

За это одно слово он был лишен сана. Вдумайтесь в этот факт. В Русской Православной Церкви XXI века молитва о мире может стать поводом для церковного наказания, если она воспринимается как отказ исполнить предписанный текст. Церковный суд, разбирая дело отца Иоанна, обвинил его в клятвопреступлении. Логика обвинения была чудовищной в своей откровенности: священник давал присягу слушаться священноначалия; священноначалие предписало читать формулу с прошением о «победе»; священник молился о мире — следовательно, он нарушил присягу.

В этой цепочке рассуждений нет места Христу. Есть только вертикаль власти. Бог здесь — лишняя фигура, мешающая исполнению приказа. Если Бог заповедал «блаженны миротворцы», а патриарх приказал «блаженны победители», то священник РПЦ обязан выбрать патриарха. Тот, кто выбирает Бога, изгоняется.

Случай отца Иоанна Коваля — не единичный эксцесс, а системный диагноз. Список репрессированных священников начал расти. Алексей Уминский, Андрей Кудрин, Вадим Перминов, Владимир Королев... Имена разные, но общий механизм обвинения часто один: неисполнение линии священноначалия. Они отказались освящать войну.

Замена слова «мир» на «победа» — это не лингвистическая правка. Это смена религии. Христианство — это религия, где Бог умирает за людей. Новая

«религия победы», насаждаемая сверху, требует, чтобы люди умирали за государство, и называет это «смыванием грехов».

Патриарх Кирилл в своих проповедях начал развивать эту мысль, доводя её до логического, но страшного завершения. Он заявил, что гибель при исполнении воинского долга «смывает все грехи». Это утверждение прямо противоречит православному богословию, где грехи смываются только покаянием и Кровью Христовой. Никакая человеческая кровь, пролитая на войне — даже в самой справедливой, а тем более в захватнической — не имеет искупительной силы. Приравнивание смерти в бою к мученичеству за Христа — это ересь, известная в истории, но никогда не принимавшаяся Церковью.

Но зачем это нужно? Почему нельзя было оставить Церковь в стороне, позволить ей быть тихой гаванью для скорбящих?

Ответ лежит в природе тоталитаризма. Тоталитарная власть не терпит пустоты. Ей недостаточно покорности тел, ей нужно владение душами. Война, которую ведет государство, нуждается в сакрализации, потому что рациональных аргументов для её оправдания не существует. Нельзя объяснить здравым смыслом разрушение городов и убийство тысяч людей. Это можно объяснить только «священной миссией», «битвой с метафизическим злом». И Церковь согласилась предоставить эту метафизику. Она согласилась стать декорацией для спектакля, где геополитические амбиции выдаются за Божью волю.

«Молитва о Святой Руси» стала инструментом расчеловечивания. В ней враг обезличен, он назван «супостатом», «иноплеменным языком», хотя по ту сторону фронта стоят такие же православные люди. Когда московский священник читает эту молитву, он фактически просит Бога помочь убить прихожан киевского или харьковского храма. И это преподносится как акт высшего патриотизма.

Мы наблюдаем, как вера превращается в гражданскую религию. В этой новой конструкции «русский» становится синонимом «православного», а «православный» — синонимом «лояльного власти». Крест перестает быть символом спасения и становится символом имперской идентичности.

Атмосфера в храмах изменилась физически. Люди стали бояться говорить друг с другом. Исповедь, которая должна быть таинством покаяния, стала зоной риска. Можно ли каяться в том, что ты не хочешь войны? Можно ли сказать священнику, что ты молишься о мире, а не о победе? Или этот священник завтра напишет на тебя донос? Этот страх — самый верный признак того, что Церковь больна. Там, где Дух Господень, там свобода. Там, где страх, — там Духа нет.

Но самое страшное в этой истории — не цинизм иерархов. Самое страшное — это молчание большинства. Тысячи священников, которые всё понимают, которые читали тех же Святых Отцов, которые знают, что война — это зло, — они вышли на амвон и прочитали: «подаждь нам победу». Они пошли на сделку с совестью, убеждая себя, что это «просто слова», что «Бог и так знает, что у нас в сердце». Но слова в литургии не бывают «просто словами». Слово, произнесенное в алтаре, имеет вес. И когда священник произносит ложь перед Престолом, он разрушает не только свою душу, но и души тех, кто ему верит.

25 сентября 2022 года стало днем, когда молчание стало формой соучастия. Те, кто промолчал, кто согласился прочитать текст, спущенный сверху, фактически подписали акт о капитуляции Церкви перед государством. Они согласились с тем, что кесарь выше Бога. Это был день, когда молитва перестала быть диалогом и стала повинностью.

Я помню глаза одного старого священника в тот день. Он стоял с листком бумаги в руках, и его руки дрожали. Он смотрел на текст так, будто это был смертный приговор. Не ему лично — приговор тому, чему он посвятил всю жизнь. Он понимал: если он это прочитает, он предаст Христа. Если не прочитает — предаст свою семью, которую выгонят из церковного дома. Он прочитал. И в этот момент в храме стало очень тихо. Это была не благоговейная тишина молитвы. Это была тишина морга.

Мы еще не осознали до конца, что произошло тогда. Мы всё еще спорим о политике, о фронтах, о санкциях. Но главная битва была проиграна без единого выстрела — в тишине алтарей, под шелест бумажного циркуляра. В тот день у нас украли не просто слова. У нас украли право называть зло злом.

И теперь, когда с амвонов звучат призывы к «священной войне», когда убийство объявляется добродетелью, а миротворчество — изменой, мы должны помнить: это началось не с выстрелов пушек. Это началось с искаженной молитвы. С того момента, когда мы позволили земной власти редактировать наши просьбы к Небу.

Документ, лежащий на аналое, перестал быть просто бумагой. Он стал свидетельством того, как легко можно подменить Бога, если очень хочется выслужиться перед земным царем. И эта подмена не пройдет бесследно. Она уже отравила колодцы, из которых народ пил веками.

Теперь, глядя на купола, многие видят не кресты, а антенны, транслирующие волю государства. И вернуть этим крестам их истинный смысл будет труднее, чем отстроить разрушенные города. Потому что города строят из камня, а веру — из правды. А правда была принесена в жертву «победе» 25 сентября 2022 года.

На столе у того священника так и остался лежать листок. Текст на нем не изменился. Но изменились мы. Мы стали свидетелями того, как молитва может убивать.

Глава 2: Изобретение врага

Слова убивают раньше, чем пули. Прежде чем человек нажмет на спусковой крючок или подпишет расстрельный приговор, в его сознании должна произойти работа по превращению живого человека в мишень. Эта работа невидима, она происходит в пространстве языка, в семантических полях, в заголовках газет и в бытовых разговорах на кухне. Чтобы уничтожить кого-то физически или граждански, сначала нужно лишить его имени и присвоить ему категорию. Нужно изобрести врага.

Мы живем в эпоху, когда реальностью управляют не факты, а дефиниции. Тот, кто владеет словарем, владеет миром. И самым страшным оружием в этом словаре стало короткое, свистящее слово: «секта».

В этом слове нет юридического содержания в смысле закреплённого в законе определения. В российском правовом поле нет нормативной дефиниции, что именно считается «сектой» или «тоталитарной сектой». Это слово может встречаться в практике и документах как оценочное, но как юридическая категория с критериями оно не работает. С точки зрения закона, есть религиозные объединения, есть общественные организации, есть, наконец, преступные группировки. Но «секты» как чётко описанного правового статуса не существует.

Однако в пространстве общественном это слово весит больше, чем любой закон. Это слово-клеймо, слово-приговор. Оно работает как химическое оружие: попадая в информационное пространство, оно мгновенно выжигает вокруг помеченного объекта зону отчуждения.

История изобретения этого врага — это история того, как наше общество училось ненавидеть по указке. Мы не заметили, как нам подменили понятия. Изначально нейтральный термин, обозначающий школу мысли или группу, отделившуюся от основного направления (от латинского *secta* — школа, путь, учение), был превращен в синоним абсолютного зла.

Архитектором этой подмены, главным лингвистом ненависти стал Александр Дворкин. Именно он ввел в оборот и наполнил ядовитым смыслом термин «тоталитарная секта». Это словосочетание — оксюморон, бессмыслица с научной точки зрения, но гениальная находка с точки зрения пропаганды. Слово «тоталитарная» вызывает в памяти лагерь, колючую проволоку и подавление воли. Слово «секта» апеллирует к темным, иррациональным страхам перед чужим, тайным, непонятым.

Соединив эти два понятия, Дворкин создал универсальное пугало. Ему не нужно было доказывать вину конкретных людей. Ему не нужно было искать улики. Достаточно было просто указать пальцем и произнести: «Это тоталитарная секта». И презумпция невиновности мгновенно испарялась.

В основе этой идеологии лежит принцип проекции. Психологи знают: то, в чем человек яростнее всего обвиняет других, часто является его собственной скрытой страстью или грехом. Дворкин сформулировал аксиому, ставшую краеугольным камнем российского антикультизма: «Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром».

Вдумайтесь в эту фразу. Небольшая община кришнаитов, поющих мантры на улице, или группа людей, изучающих Библию в квартире, или любители восточной гимнастики — все они, по логике главного сектоведа, спят и видят, как захватить мировое господство. Эта абсурдная идея, достойная дешевых конспирологических романов, была подана как экспертное заключение. Но в ней кроется глубокая ирония: стремление к тотальной власти, к контролю над умами, к уничтожению любой конкуренции — это именно то, чем занималась структура, созданная самим Дворкиным.

Чтобы оправдать насилие, враг должен быть дегуманизирован. Он не должен вызывать сочувствия. Он должен вызывать безразличность и страх. Технология стигматизации, примененная в России, стара как мир, но от этого не менее эффективна.

Стигма — это клеймо. В Древней Греции его выжигали на теле рабов или преступников, чтобы каждый свободный гражданин знал: перед ним не человек, а вещь или угроза. В современном мире клеймо выжигают не раскаленным железом, а информационным потоком.

Механизм работает безотказно. Сначала создается образ «внутреннего врага». Это не внешний агрессор, который стоит у границ с оружием. Это враг, который уже здесь, среди нас. Он ходит по тем же улицам, его дети учатся в тех же школах. Но он — «чужой». Он «зомбирован». У него «промыты мозги».

Термины «зомбирование» и «промывание мозгов» стали ключевыми инструментами расчеловечивания. Если человек «зомби», значит, с ним нельзя договориться. Его нельзя переубедить. Его нельзя судить человеческим судом, потому что у него нет собственной воли. А главное — его не жалко. Зомби не имеют прав. Зомби подлежат изоляции или уничтожению.

Обществу внушили мысль: есть «правильные» верующие — те, кто ходит в «правильные» храмы, подчиняется иерархии и поддерживает государственную линию. И есть «опасные элементы», чья вера неправильна, вредна и угрожает национальной безопасности.

Самым страшным полигоном для отработки этой технологии стали Свидетели Иеговы. Выбор жертвы был не случайным. Это была идеальная мишень. Они были заметны, они были активны, они отличались от большинства, и, что самое важное, они были абсолютно пацифистичны. Они не могли ответить насилием на насилие.

На примере Свидетелей Иеговы мы увидели, как работает «Римская формула» уничтожения инакомыслия, описанная профессором Массимо Интровинье: нетерпимость — дискриминация — преследование.

Сначала была запущена волна нетерпимости. Федеральные каналы, газеты, интернет-ресурсы на протяжении лет транслировали один и тот же нарратив: они разрушают семьи, они отбирают квартиры, они запрещают переливание крови, они шпионы. Никто не утруждал себя проверкой фактов. Журналисты, забыв о профессиональной этике, превратились в ретрансляторов ненависти. Любой бытовой конфликт, если в нем участвовал верующий этой конфессии, нередко подавался как «преступление секты».

Затем наступил этап дискриминации. Людей по свидетельствам самих верующих и правозащитных наблюдений начали увольнять с работы, им отказывали в аренде помещений, их детей травили в школах. Общество приучали к мысли, что по отношению к *этим* людям законы вежливости и морали не действуют. Если ты плюнешь в лицо прохожему — ты хулиган. Если ты плюнешь в лицо «сектанту» — ты патриот и защитник традиционных ценностей.

И, наконец, пришло преследование. Признание Свидетелей Иеговы экстремистской организацией в 2017 году по решению Верховного суда РФ стало юридическим переворотом смыслов, который войдет в учебники истории права как пример того, как ярлык подменяет критерии. В современной истории России под «экстремизм» попали люди, которые принципиально отказываются от

насилия и военной службы, — и это само по себе разрушало интуитивное понимание слова «экстремизм». Их «экстремизм» в логике обвинения заключался прежде всего в их религиозной практике и в том, что они считали свою веру истинной.

Но позвольте, разве не любой искренне верующий человек считает свою веру истинной? Разве православный, католик или мусульманин не убежден, что его путь к Богу — самый верный? Если следовать этой логике, то любую религию можно объявить экстремистской. Но логика здесь не при чем. Это был акт устрашения.

Ярлык «секта» позволил вывести сотни тысяч людей из зоны общественной эмпатии и «нормальности» — а затем и из-под реальной защиты прав, гарантированных Конституцией. Статья 28 Конституции РФ гарантирует свободу вероисповедания. Но оказалось, что эта свобода имеет сноску мелким шрифтом: «кроме тех, на кого укажет сектовед».

Суды над верующими превратились в кафкианский процесс. Людей отправляли в колонии на шесть, семь, восемь лет просто за то, что они собирались вместе, читали Библию и пели песни. Сроки, которые давали этим «экстремистам», иногда даже превышали сроки за убийство или изнасилование.

Что это говорит нам о состоянии нравственности в обществе? Это говорит о том, что государство боится инакомыслия больше, чем уголовщины. Убийца понятен, он социально близок, он оступился, но он «свой». Человек, который верит иначе, молится иначе и отказывается признавать земных вождей наместниками Бога, — это экзистенциальная угроза.

Дворкин и его последователи использовали метод «вины по ассоциации». Они ставили в один ряд мирных верующих и террористов, запрещенные в мире деструктивные культы (вроде «Аум Синрикё») и группы, занимающиеся йогой. В сознании обывателя создавалась каша: «секта» — это там, где убивают, где газ в метро, где отнимают деньги. И если соседа называли сектантом, значит, он потенциальный террорист.

Это психологический терроризм. Его цель — посеять страх. Страх перед соседом, страх перед иным мнением, страх перед собственной мыслью. Человек, зараженный этим страхом, перестает анализировать. Он ищет защиты у сильной руки. Он готов пожертвовать свободой ради мнимой безопасности.

«Осторожно! Секта!» — кричали заголовки. И люди шарахались. Стигматизация работает на подсознательном уровне. Она вызывает чувство брезгливости, желание отмыться. Общение с «сектантом» становится токсичным. Ты сам можешь заразиться. Тебя самого могут заподозрить.

Так создавалась зона молчания. Когда приходили с обысками к верующим, соседи не выходили их защищать. Они закрывали двери и выключали свет. «Дыма без огня не бывает», — думали они. «Раз пришли, значит, есть за что». Это молчаливое согласие большинства стало главным достижением антикультовой пропаганды.

Дворкин в одной из своих текстов написал: «Первым сектантом-гностиком был сам сатана, использовавший при разговоре с Евой типичные приёмы сектантской вербовки». Это утверждение выдает с головой всю теологию ненависти. Если инакомыслие — это от сатаны, то любой диалог невозможен. С сатаной не спорят, его изгоняют. Оппонент превращается в демона. А демона не жалко. Демона можно и нужно уничтожить.

Так религиозная полемика была подменена демонологией. Вместо богословских диспутов — доносы в прокуратуру. Вместо миссионерства — ОМОН с болгарками, выпиливающий двери квартир.

Мы видели кадры оперативной съемки: люди в масках, с автоматами, врываются в квартиру, где сидят старики и женщины. Их кладут лицом в пол. Крики, плач детей. Что ищут эти вооруженные до зубов герои? Наркотики? Оружие? Нет, они ищут книги. Они ищут списки прихожан.

Это выглядело бы фарсом, если бы не было трагедией. Антикультовая машина всей своей мощью обрушилась на людей, чья единственная вина заключалась в том, что они читали «неправильный» перевод Библии.

Но почему общество проглотило это? Почему интеллигенция, правозащитники (за редким исключением), журналисты не забили тревогу в тот момент, когда слово «секта» стало социальным пропуском к репрессии?

Потому что стигма работает и на тех, кто считает себя свободным от предрассудков. «Ну, это же действительно странные люди», — говорили многие. «Они навязчивые, они ходят по квартирам, они какие-то не такие». Сработал механизм «свой-чужой». Защищать «своих» (поэтов, режиссеров, политических активистов) — это почетно. Защищать «сектантов» — это как-то неловко, маргинально. Можно испачкаться.

Антикультисты рассчитывали именно на это. Они знали: если начать репрессии с маргинальных групп, никто не возмутится. А когда технология будет отработана, ее можно будет применить к кому угодно.

И они не ошиблись. Ярлык «секта» оказался универсальным. Сегодня его лепят на протестантов, завтра — на экологов, послезавтра — на родителей, выступающих против школьной программы, или на политическую оппозицию. Любая группа, имеющая внутреннюю структуру, лидеров и идеи, отличные от генеральной линии, попадает под определение «деструктивного культа» по методичке Дворкина.

Мы стали свидетелями того, как понятие нормы сузилось до игольного ушка. Все, что не пролезает в это ушко, объявляется патологией. Психиатрия снова, как в советские времена, стала карательной, только теперь диагнозы ставит не врач, а «сектовед».

В этой системе координат человек лишается права на духовный поиск. Ты не можешь искать истину самостоятельно. Истина уже найдена и утверждена печатью. Любой шаг в сторону — это побег. А побег карается.

Изобретение врага — это всегда признак слабости идеи. Сильная истина не нуждается в том, чтобы кого-то запрещать. Она побеждает светом, а не прокурорским запретом. Если некоторые представители церкви начинают бороться с конкурентами с помощью полиции, значит, им нечего предложить людям, кроме страха.

Александр Дворкин и его сеть РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) не просто боролись с конкурентами РПЦ. Они готовили почву для чего-то большего. Они приучали нас к мысли, что кругом враги. Что мир опасен. Что нас хотят поработить, расчлениить, уничтожить. Эта паранойя, посеянная на религиозном поле, дала обильные всходы на поле политическом.

Человек, который верит, что его сосед-кришнаит — агент мирового заговора, легко поверит и в то, что соседняя страна населена нацистами, которых нужно денацифицировать. Механизм один и тот же. Сначала ты лишаешь человека человеческого облика, называешь его «сектантом» или «нациком», а потом ты можешь делать с ним все, что угодно. Совесть молчит, потому что совесть работает только по отношению к людям. А это — не люди. Это «элементы деструктивного культа».

Дворкин не заметил, как его организация сама стала сектой. Огромной сектой, где есть непогрешимый лидер, где есть единственно верное учение, где кругом враги, где инакомыслие — предательство, а изоляция от мира — благо. Дворкин, пугая нас «тоталитарными сектами», на самом деле описывал то будущее, которое они строили для всей страны. И они его построили.

В одном из судебных процессов над Свидетелем Иеговы прокурор спросил подсудимого: «Почему вы не молитесь так, как все?» Подсудимый, пожилой мужчина, всю жизнь проработавший на заводе, ответил просто: «Потому что я отвечаю перед Богом, а не перед всеми».

В этом ответе — суть конфликта. Система не терпит тех, кто отвечает перед кем-то, кто выше системы. Она требует монополии на лояльность. Изобретение «секты» — это способ уничтожить вертикаль отношений «Человек — Бог» и заменить ее вертикалью «Человек — Начальник».

Я помню, как в одном из репортажей показывали изъятую у верующих литературу. Камера крупным планом выхватила детскую книжку с картинками: львы лежат рядом с ягнятами, люди разных рас улыбаются друг другу. Голос за кадром тревожно вещал: «Смотрите, какие образы они внушают детям! Это отрыв от реальности!»

Действительно. Мечта о мире, где никто никого не убивает, стала в нашем мире опасной патологией, «отрывом от реальности». Реальность — это война. Реальность — это враги. Реальность — это поиск шпионов под кроватью. А тот, кто мечтает о мире, — тот сектант.

Так мы пришли к состоянию, когда добро было объявлено злом, а зло — необходимой мерой защиты. Изобретение врага завершилось. Враг был найден, назван и расчеловечен. Теперь можно было переходить к следующему этапу — к зачистке.

Но самое страшное в этой истории не то, что сделали с жертвами. Самое страшное — то, что это сделало с нами. Мы научились проходить мимо несправедливости, опуская глаза. Мы научились оправдывать жестокость словами «ну, наверное, так надо». Мы позволили наклеить желтые звезды на рукава наших соседей, утешая себя тем, что на наших рукавах их пока нет.

Пока нет.

В зале суда, где судили очередного «экстремиста» за чтение Евангелия, на стене висел герб. Двуглавый орел смотрел в разные стороны, но не видел главного. Он не видел, как в этой комнате, под шелест прокурорских бумаг, умирало правосудие. И умирало оно не от рук «сектантов». Оно умирало от рук тех, кто решил, что имеет право решать, кому верить правильно, а кому — преступно.

Когда конвой выводил осужденного, в коридоре стояла тишина. Никто не кричал проклятий. Но никто и не плакал. Это была тишина безразличия. Тишина, в которой слышно, как тикают часы, отсчитывая время до того момента, когда придут за следующими. За теми, кто думал, что если он не «сектант», то он в безопасности.

Глава 3: Очищение рядов

Когда внешний враг повержен или временно недостижим, тоталитарная система, чтобы выжить, обязана найти врага внутреннего. Это закон сохранения репрессивной энергии. Машина, созданная для охоты, не может стоять без дела; если ей не скармливать «сектантов» с улицы, она начнет пожирать тех, кто стоит у престола.

Мы наблюдали этот процесс с ужасающей ясностью. Как только технология дегуманизации была отработана в публичных кампаниях против «нетрадиционных» религиозных групп — кришнаитов, неопятидесятников и свидетелей Иеговы, — прицел сместился. Оказалось, что «сектантское мышление» — это очень удобный диагноз, который можно поставить любому священнику, чья проповедь слишком жива, чья община слишком сплочена или чей интеллектуальный уровень превышает средний по епархии.

В церковный обиход были введены новые слова-маркеры, ставшие синонимами проклятия: «неообновленчество», «модернизм», «либерализм». С богословской точки зрения эти термины требуют серьезной дискуссии и уточнений. Но в словаре новой церковной опричнины они означали одно: «чужой». Это была черная метка.

История преследования священника Георгия Кочеткова и его Преображенского братства стала первым масштабным полигоном, на котором отрабатывалась методика внутреннего террора. Это был не просто богословский спор о языке богослужения или катехизации. Это была показательная казнь репутации, проведенная с цинизмом, которому могли бы позавидовать светские политтехнологи.

Отец Георгий не был маргиналом. Его труды публиковались в уважаемых изданиях, его опыт катехизации (подготовки взрослых к крещению) был уникален для постсоветской России, где миллионы людей крестились, не зная даже «Отче наш». Но именно этот успех стал его приговором. Система не терпит горизонтальных связей. Ей не нужны общины, где люди знают друг друга по именам и готовы стоять друг за друга. Ей нужны приходы — безликие массы захожан, объединенных лишь фигурой администратора.

Кампания против Кочеткова разворачивалась по классическим канонам информационной войны. В середине 90-х годов, когда страна еще упивалась свободой слова, внутрицерковное пространство уже начало погружаться в морок цензуры и клеветы. Газеты «Русский Вестник», радио «Радонеж», многочисленные листовки начали лепить из православного священника образ врага народа.

Использовалась тактика «гнилой селедки»: обвинения набрасывались одно за другим, абсурдные, противоречивые, но громкие. Писали о «лицах еврейской национальности» в его окружении (играя на латентном антисемитизме части паствы), о «панибратстве», о том, что их встречи напоминают «сектантские собрания».

Кульминацией этой травли стал фильм «Разоблачение». Само название ленты отсылает нас к риторике 30-х годов. Не «Дискуссия», не «Критика», а именно «Разоблачение» — срывание масок с затаившегося врага. История создания этого фильма — учебник по манипуляции. Видеозаписи, которые само Братство передало в Патриархию как доказательство своей невиновности и верности Церкви, были перемонтированы, снабжены зловещей музыкой и закадровым комментарием, искажающим смысл происходящего до неузнаваемости.

Люди смотрели на экран и видели не молитву, а нечто пугающее, потому что им *сказали*, что это пугает. Этот фильм распространялся как вирус — на кассетах, дисках, через церковные лавки. Его крутили в семинариях, воспитывая будущее поколение священников в ненависти к своим же братьям. Входным билетом в клир Москвы на долгие годы стало отношение к делу Кочеткова. Если ты не осуждал — ты был подозрителен.

Но самым страшным был не фильм. Самым страшным было то, как легко церковная среда приняла этот язык ненависти. Священники, которые лично знали отца Георгия, которые видели плоды его трудов, вдруг замолкали. Они отводили глаза. Они боялись, что если они вступятся, то ярлык «неообновленца» приклеят и к ним.

Апофеозом этой драмы стала инсценировка в алтаре храма Успения в Печатниках, приведшая к запрету священника в служении. Это была спецоперация, провокация, рассчитанная на создание картинки «насилия над священноначалием». И система сработала безотказно. Двенадцать прихожан были отлучены от причастия — беспрецедентный случай в новейшей истории, когда мирян отлучают не за ересь, не за смертные грехи, а за верность своему пастырю.

Никита Струве, внук знаменитого философа и редактор «Вестника РХД», пытался заступиться за Кочеткова перед Патриархом Алексием II. Его свидетельство об этой встрече пронзительно. Когда старый профессор, представитель той, настоящей русской культуры, был готов встать на колени, умоляя снять несправедливый запрет, Патриарх лишь испуганно вскочил. Власть боялась не аргументов. Власть боялась собственной тени, боялась той силы, которую сама же и выпустила на волю — силы фундаменталистского крыла, требовавшего «чисток».

Дело Кочеткова показало всем: никто не защищен. Ни образование, ни искренность, ни миссионерские успехи не являются охранной грамотой. Наоборот, они являются факторами риска.

Вторым знаковым примером «очищения рядов» стала травля протоиерея Анатолия Гармаева. Здесь мишень была выбрана еще более изощренно. Отец Анатолий был выдающимся педагогом, человеком, который пытался соединить святоотеческую традицию с пониманием человеческой психологии. Он говорил о семье, о воспитании, о внутренних конфликтах человека языком, понятным современнику.

Но для инквизиторов от сектоведения любое использование психологической терминологии было красной тряпкой. В их черно-белом мире психология была конкурентом религии, а значит — ересью.

Книги Гармаева, такие как «Психопатический круг в семье», были объявлены вредными. Диякон Михаил Першин, сотрудник Синодального отдела по делам молодежи, с комсомольским задором публично критиковал труды священника, обвиняя его в создании «смеси психоаналитических и

аскетических положений». Ирония заключалась в том, что сами обвинители, и прежде всего Александр Дворкин, постоянно изобретали новояз («тоталитарная секта», «деструктивный культ»), не имеющий корней в традиции. Но то, что было позволено главному сектоведо, было запрещено священнику-педагогу.

Методика дискредитации Гармаева строилась на дегуманизации. Его выставляли не просто заблуждающимся собратом, а опасным гуру, создающим «психокульт». Сам Гармаев предвидел это. В своей книге «Матушка» он писал пророческие слова: «Враг будет разносить впереди Вас всякие несусветные басни... Предубеждения отодвинут людей от Вас». Он понимал природу той силы, с которой столкнулся. Это была сила клеветы, возведенная в ранг добродетели.

Антикультисты действовали по принципу: «Был бы человек, а секта найдется». Доктор философских наук Игорь Кантеров точно подметил, что расплывчатость понятий «тоталитарная секта» позволяет зачислить в этот разряд любое объединение — культурное, образовательное, оздоровительное. Было бы желание.

И желание было. Оно исходило из структуры, которая формально называлась общественной организацией, но фактически присвоила себе функции церковной контрразведки — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

Эта структура, возглавляемая Дворкиным, стала государством в государстве. Валерий Отставных, религиовед и журналист, в своем интервью вскрыл механику их власти. РАЦИРС не нуждалась в официальных санкциях Патриархии на каждую атаку. Она действовала автономно, как «эскадрон смерти» в идеологическом поле. Архиереи начали воспринимать РАЦИРС как службу собственной безопасности, которой лучше не перечить.

Сложилась парадоксальная ситуация. Епископ, обладающий всей полнотой канонической власти в своей епархии, боялся светского человека с бородой, который мог приехать из Москвы (или прислать своих эмиссаров) и объявить, что в епархии «неблагополучно», что там «гнездятся секты» или

процветает «модернизм». Страх перед ярлыком «пособник сектантов» парализовал волю иерархов.

Так формировалась культура доноительства. Священники и миряне начинали следить друг за другом. «А не слишком ли часто он служит?», «А почему они читают Евангелие на русском?», «А что это за книги у него в библиотеке?». Атмосфера доверия, без которой невозможна Евхаристия, испарялась. Храм превращался в режимный объект, где каждый прихожанин — потенциальный подозреваемый, а каждый священник — потенциальный обвиняемый.

Психологический террор стал нормой церковной жизни. Любое отклонение от «генеральной линии», которая становилась всё уже и примитивнее, каралось публичным шельмованием. Интернет, который мог бы стать площадкой для проповеди, был превращен в помойку, где анонимные «ревнители» поливали грязью неудобных.

Мы видели, как создавались «черные списки». В них попадали не только либералы, но и консерваторы, если они были слишком независимы. Пример отца Владимира Головина из Болгара показателен. Вполне каноничный, успешный священник, к которому ехали тысячи людей, вдруг оказался под огнем РАЦИРС. Почему? Потому что его деятельность не контролировалась центром. Потому что он был слишком популярен. Потому что там были деньги и люди, которые шли мимо кассы «корпорации».

РАЦИРС действовала как вирус, поражающий иммунную систему Церкви. Вместо того чтобы защищать организм от реальных угроз, она заставляла его атаковать собственные здоровые клетки. Живая ткань общин отторгалась, заменяясь мертвой тканью бюрократии.

В этой атмосфере подозрительности менялся сам тип священника. На смену пастырям-отцам приходили пастыри-чиновники. Те, кто умел писать отчеты, кто умел колебаться вместе с линией партии, кто знал, кого нужно вовремя пнуть, чтобы доказать свою лояльность.

Инквизиция Дворкина не жгла людей на кострах физически. Она сжигала их души. Она убивала веру в справедливость Церкви. Когда человека, посвятившего жизнь Христу, объявляют «сектантом» свои же братья, в нем что-то надламывается. И этот надлом происходит не только в жертве, но и в свидетелях.

Миряне, видя, как расправляются с их любимыми батюшками, получали урок цинизма. Они понимали: правды нет. Есть сила. Есть связи. Есть умение написать донос. И если ты хочешь выжить в этой системе, ты должен играть по ее правилам. Или уйти.

Многие ушли. Ушли тихо, без скандалов, просто перестали переступать порог храма, где пахнет не ладаном, а страхом. Но те, кто остался, прошли страшную школу. Они научились молчать. Они научились не задавать вопросов. Они научились тому, что послушание выше совести.

Именно в эти годы, в «тучные нулевые» и тревожные десятилетия, был выкован тот тип церковного человека, который в 2022 году безропотно примет молитву о победе. Почва была подготовлена. Сорняки сомнения были выполоты. Критическое мышление было объявлено грехом гордыни.

Антикультисты обвиняли секты в тоталитаризме, в подавлении личности, в гуруизме. Но разве не это мы увидели внутри самой церковной ограды? Разве не стала РПЦ структурой, где мнение одного человека (или группы лиц) является истиной в последней инстанции, а любое несогласие карается изгнанием?

Дворкин и его команда, проецируя свои страхи на других, построили идеальную тоталитарную секту внутри Русской Православной Церкви. Секту, у которой есть свой лидер, свои догматы (борьба с врагами), свои методы вербовки и удержания (страх). И эта секта захватила власть.

Очищение рядов прошло успешно. Ряды были зачищены от живого, искреннего, горящего. Остались послушные. Остались испуганные. Остались равнодушные.

Я помню один разговор с молодым семинаристом в те годы. Он был полон надежд, глаза горели. Но когда речь зашла о Кочеткове, он вдруг изменился в лице, оглянулся по сторонам и прошептал: «Ну, вы же знаете, там не всё чисто... Дворкин писал...».

— А ты читал самого Кочеткова? — спросил я.

— Нет, — ответил он быстро, словно защищаясь. — Нам не благословляют читать еретиков.

В этом ответе была вся трагедия происходящего. Будущий пастырь боялся читать. Он боялся думать. Он уже был солдатом армии, где думать запрещено.

Инквизиторский молот, занесенный над головами «неообновленцев», на самом деле бил по фундаменту Церкви. Каждый удар выбивал из этого фундамента кирпичи любви и доверия, заменяя их цементом страха. Здание стояло, купола блестели, но внутри становилось всё холоднее.

Мы думали, что это борьба за чистоту православия. Мы ошибались. Это была зачистка территории перед большим строительством. Строительством казармы.

В одном из храмов, где настоятеля сняли по доносу «бдительных прихожан» за «модернизм» (он всего лишь объяснял смысл молитв на проповеди), новый настоятель первым делом повесил на дверях объявление. Там не было расписания богослужений. Там был список того, что запрещено: разговаривать, приходить в брюках, ставить свечи левой рукой. И в конце, крупными буквами: «Остерегайтесь сектантов!».

Храм был пуст. Но зато в нем был идеальный порядок. И никто больше не задавал лишних вопросов. Тишина, воцарившаяся там, была предвестником той великой тишины, которая накроет всю Церковь, когда придет время называть войну миром, а убийство — подвигом.

Очищение рядов завершилось. Церковь была готова к мобилизации.

Глава 4: Проектировщик подмены

У каждой катастрофы есть не только исторические причины, но и конкретные имена. Зло, даже когда оно становится системным, редко бывает безымянным. У него есть архитекторы, инженеры и прорабы. Если мы хотим понять, как Русская Православная Церковь превратилась из дома молитвы в комбинат по производству идеологической ненависти, мы должны посмотреть в лицо человеку, который спроектировал этот механизм.

Его имя — Александр Леонидович Дворкин.

В начале 90-х годов, когда Россия, оглушенная свободой, жадно впитывала всё новое, на её пороге появился человек с чемоданом. В этом чемодане, как он сам позже признавался, были не личные вещи, а ксерокопии документов, собранных в западных «антикультовых» центрах. Он вернулся из эмиграции, из Соединенных Штатов, гражданином которых он являлся, чтобы научить русский народ «правильно» верить.

Это один из самых мрачных парадоксов нашей новейшей истории: фундамент современного российского «патриотического» изоляционизма и борьбы с «западным влиянием» заложил человек с американским паспортом. Идеолог, который громче всех кричал об «агентах влияния», сам был идеальным примером внешнего вмешательства, но вмешательства особого рода — не политического, а ментального. Он назвал это «сектоведением».

В академическом мире такой дисциплины не существует. Есть религиоведение, есть социология религии, есть история церкви. Но «сектоведение» — это изобретение Дворкина, уникальный гибрид полицейского протокола и бульварной публицистики. Однако именно этот суррогат науки был внедрен в духовные семинарии и академии в качестве обязательного предмета.

Представьте себе ситуацию: будущих пастырей, призванных нести свет Евангелия, годами учат не тому, как любить людей, а тому, как их классифицировать, разоблачать и ненавидеть. Учебник Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты» стал настольной книгой современного священника. Это увесистый том, написанный живым, хлестким языком, полным

уничижительных эпитетов и пугающих историй. В его мире всё просто: есть «мы» — носители истины, и есть «они» — зомбированные сектанты, враги, нелюди.

Дворкин совершил подмену понятий колоссального масштаба. Он убедил церковное руководство, что главная угроза православию исходит не от собственного невежества, не от потери нравственного авторитета, а от конкурентов. И предложил метод устранения этих конкурентов — не через диспут, не через святость жизни, а через административный запрет и информационный террор.

Для реализации этой задачи была создана структура, которая формально называлась общественной организацией, но по сути стала координационным ядром антисектантского движения — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

Если внимательно присмотреться к РАЦИРС, то становится жутко от того, насколько точно эта организация соответствует определению «тоталитарной секты», которое дал сам Дворкин. Это классический случай психологической проекции.

Дворкин пишет, что цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег. Давайте приложим это лекало к его собственному детищу.

РАЦИРС — это централизованная структура с выраженным лидерством во главе. Никто внутри этой организации не смеет подвергать сомнению слова Александра Леонидовича. Любая критика воспринимается как предательство или происки врагов. Вокруг лидера сформирован круг региональных представителей, таких как Александр Кузьмин в Саратове или Евгений Мухтаров в Ярославле, которые копируют манеры и риторику вождя, усиливая конфронтационный тон в отношении «нежелательных» групп.

Эта структура не терпит плюрализма. Она требует абсолютной лояльности. Она использует свой собственный новояз, непонятный внешним, но обязательный для внутренних. Она создает образ осажденной крепости, где

только Дворкин знает, как спастись от надвигающегося апокалипсиса «сектантского засилья».

Но самое главное — это власть. Дворкин, не имея священного сана, не имея профильного научного образования в области религиоведения (его диплом по средневековой истории, полученный в США, не был связан с академическим религиоведением), сумел получить власть над умами епископата, которой позавидовал бы любой патриарх.

Его влияние резко усилилось в 2009 году. Это был год, когда «сектоведение» вышло из церковной ограды и вошло в кабинеты государственной власти. Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ в апреле 2009 года.

Это был момент триумфа архитектора. Человек, построивший карьеру на разжигании межрелигиозной розни и стигматизации религиозных меньшинств, получил в свои руки государственную печать. Теперь он мог не просто ругать «сектантов» в газетах — он мог их запрещать.

Экспертный совет под его руководством воспринимался критиками как инструмент давления на религиозные меньшинства. Само понятие «экспертиза» было извращено. Вместо объективного научного анализа, основанного на фактах и методологии, совет начал штамповать идеологические приговоры.

Механизм работы этого конвейера был прост и циничен. Когда нужно было уничтожить какую-либо организацию, заказ поступал «экспертам» из пула Дворкина. И они писали то, что требовалось.

Ярчайшим примером этой войны экспертиз и обвинений в предвзятости стала деятельность Ларисы Астаховой, верной соратницы Дворкина и члена того самого совета, выступавшей по делу саентологов как судебный эксперт. Её «экспертиза» в отношении саентологов стала одним из самых громких и спорных случаев в российской религиоведческой экспертизе. В официальном документе, который лег в основу судебного решения, она приводила цитаты,

приписываемые основателю организации. Проблема была лишь в том, что этих цитат по утверждениям критиков, нельзя было найти в указанных источниках, и это трактовалось ими как недопустимая фальсификация.

Но система не дала сбой. Суд принял эту фальшивку, потому что за спиной «эксперта» стояла тень Дворкина, а за спиной Дворкина — авторитет РПЦ и Министерства юстиции. Это был сигнал всем: факты больше не имеют значения. Истина больше не является критерием. Если «сектовед» сказал, что это черное, значит, суд признает это черным, даже если оно ослепительно белое. Дворкин и его команда ввели в оборот презумпцию виновности для верующих. Любая группа, не принадлежащая к «традиционным религиям» (границы «традиционности» в публичной риторике антисектантов часто проводились так, что религиозные меньшинства автоматически попадали в зону подозрения), априори считалась подозрительной.

«Осторожно! Секта!» — этот крик стал фоновым шумом российской жизни. Но что именно называлось сектой?

Список врагов расширялся с каждым годом. Сначала это были экзотические культы. Потом — протестанты. Потом — психологические тренинги. Потом — коммерческие компании (Amway, Herbalife). Потом — педагогические методики. Потом — экопоселения.

Дворкин создал универсальный инструмент репрессий. Ярлык «тоталитарная секта» оказался настолько резиновым, что его можно было натянуть на кого угодно. В документах РАЦИРС можно найти призывы сообщать о «коммерческих культах» и фирмах, сотрудничающих с сектами. Это открыло шлюзы для банального передела рынка и устранения бизнес-конкурентов.

«Цель любой секты — власть и деньги». Дворкин знал, о чем говорил. Его структура превратилась в коммерческое предприятие по торговле страхом и «крышеванию». Хотите, чтобы вашу фирму не называли сектой? Договаривайтесь. Хотите устранить конкурента? Закажите экспертизу у специалистов РАЦИРС. Но деньги — это лишь побочный эффект. Главным наркотиком была власть над судьбами.

Психологический портрет Александра Дворкина — это ключ к пониманию всей системы. Многие исследователи и наблюдатели отмечали феномен «капитанства» в его окружении. Это термин из авиации: когда экипаж видит, что капитан совершает фатальную ошибку, но молчит, парализованный его авторитетом.

Дворкин вел себя как капитан корабля, идущего на рифы. Он говорил с апломбом пророка. Он не терпел возражений. Его манера вести дискуссию — это не обмен аргументами, а уничтожение оппонента переходом на личность и оскорблениями. И церковная среда, привыкшая к послушанию, приняла этот стиль. Епископы боялись его. Священники трепетали.

Почему? Потому что Дворкин сумел внушить им, что без него они погибнут. Что мир вокруг — это океан зла, кишущий акулами-сектантами, и только он, Александр Леонидович, знает фарватер. Он играл на самых низменных инстинктах — на ксенофобии, на страхе перед чужим, на комплексе неполноценности. Он говорил: «Нас хотят поработить, потому что мы самые духовные». И это льстило слуху. Это было приятнее слышать, чем призывы к покаянию и работе над собой.

Дворкин стал архитектором новой реальности, где слово «православный» перестало означать «христианин», а стало означать «антисектант». Идентичность верующего начала строиться не на любви к Богу, а на ненависти к врагам. «Скажи мне, кого ты ненавидишь, и я скажу, православный ли ты», — таков стал негласный символ веры, написанный Дворкиным.

В семинариях студенты заучивали классификации сект, как таблицу умножения. Они выходили на проповедь, вооруженные не Словом Божьим, а методичками РАЦИРС. Они искали в глазах прихожан не жажду истины, а признаки «зомбирования».

Так происходила мутация церковного сознания. Живая ткань веры заменялась рубцовой тканью подозрительности. Дворкин не просто создал организацию. Он создал язык. Язык, в котором слова «гуру», «вербовка», «контроль сознания» стали использоваться чаще, чем «благодать», «милосердие», «спасение». И этот язык сформировал мышление.

Когда в 2022 году патриарх заговорил языком войны, это не было случайностью. Это было следствием того, что Церковь уже тридцать лет говорила на языке Дворкина. Язык «духовной войны» с сектами легко трансформировался в язык реальной войны с «сатанинским Западом». Почва была унавожена и вспахана.

Архитектор подмены не строил здания. Он строил ментальные тюрьмы. И самой надежной тюрьмой оказалась та, которую узники считали крепостью.

В одном из своих интервью Дворкин с гордостью заявил, что термин «тоталитарная секта» — это его изобретение. Он признал авторство клейма. Но он умолчал о том, что это клеймо не имеет юридической силы. Оно имеет силу магическую. Оно превращает человека в изгоя.

Мы должны понимать: деятельность Дворкина и РАЦИРС — это не защита веры. Это узурпация права на истину. Это приватизация Бога группой лиц, использующих религиозную риторику для достижения политических и финансовых целей.

В 2009 году, когда Дворкин возглавил совет при Минюсте, многие правозащитники и ученые били тревогу. Они говорили: «Нельзя давать спички поджигателю». Они предупреждали, что это приведет к охоте на ведьм. Их не услышали. Их голоса потонули в хоре одобрения: «Наконец-то государство наведет порядок!».

Порядок был наведен. Порядок кладбища.

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим руины человеческих судеб. Разрушенные семьи, где детей отбирали у родителей-«сектантов». Людей, потерявших работу и репутацию из-за клеветы в статьях, заказанных РАЦИРС. Священников, сломленных страхом перед обвинением в «неообновленчестве».

Но самая главная жертва этого архитектора — сама Русская Православная Церковь. Она доверилась ему, как больной доверяется шарлатану, обещающему чудодейственное исцеление. И вместо исцеления получила гангрену. Дворкин убедил Церковь, что ей нужна полиция нравов.

В кабинетах РАЦИРС, заваленных папками с досье на «врагов», не пахнет ладаном. Там пахнет канцелярской пылью и страхом. Там сидят люди, которые уверены, что делают благое дело. Они не видят себя инквизиторами. Они видят себя хирургами, вырезающими опухоль. Но проблема в том, что они режут по живому. И скальпель в их руках — грязный.

Александр Дворкин — это не просто одиозная фигура. Это симптом болезни, поразившей организм, потерявший иммунитет. Когда тело перестает различать свои клетки и чужие, начинается аутоиммунный процесс. РАЦИРС — это и есть этот процесс. Организм пожирает сам себя, думая, что борется с инфекцией.

Ирония судьбы заключается в том, что человек, посвятивший жизнь борьбе с «контролем сознания», создал самую эффективную систему контроля сознания в современной России. Он научил миллионы людей не думать. Он научил их бояться. Он научил их видеть врага в брате.

В одной из своих книг Дворкин описывает методы вербовки в секты: «Бомбардировка любовью», изоляция от внешней информации, создание черно-белой картины мира. Читая это, невозможно отделаться от ощущения, что он описывает методы работы антикультовой пропаганды.

Архитектор может быть доволен. Здание построено. Стены высоки, решетки крепки. Внутри — тишина и порядок. Только вот Того, ради Кого всё это якобы строилось, внутри уже давно нет. Он остался снаружи, вместе с теми, кого объявили «сектантами», «агентами» и «предателями».

Я вспоминаю одну встречу на конференции, где выступал Дворкин. Он стоял на трибуне, маленький человек с колючим взглядом, и говорил о врагах. Он сыпал именами, названиями организаций, терминами. Зал слушал, затаив дыхание. В первом ряду сидели молодые семинаристы. Они смотрели на него с обожанием. Они записывали каждое слово.

В их блокнотах рождалась новая теология. Теология, в которой нет места тайне, нет места сомнению, нет места милости.

Когда лекция закончилась, к Дворкину подошла женщина. Она плакала. Она просила помочь «вытащить» сына из какой-то группы йоги. Дворкин посмотрел на неё не с сочувствием, а с профессиональным интересом оценщика.

— Приходите в центр, — сказал он сухо. — Мы разберемся. Но это будет стоить денег. Экспертиза, консультации... Вы же понимаете, мы боремся с мировым злом. А война — дело дорогое.

Женщина кивала, готовая отдать всё. Она не понимала, что пришла за помощью к тем, кто и придумал её страх.

Глава 5: Тень государства

Тень падает бесшумно. Она не имеет веса, не занимает физического объема, но способна накрыть собой огромные пространства, меняя очертания предметов до неузнаваемости. В этой тени крест начинает напоминать меч, алтарь превращается в трибуну, а исповедальня — в кабинет следователя.

Мы долгое время утешали себя иллюзией, что Церковь и государство в постсоветской России — это два разных организма, которые могут сотрудничать, могут конфликтовать, но сохраняют автономию. Мы верили в конституционный принцип отделения, в то, что «кесарю кесарево, а Божие Богу». Эта вера была наивной. Пока мы спорили о богословии, за кулисами церковной жизни происходил процесс, который биологи назвали бы симбиозом, а криминалисты — слиянием.

Силовая, чекистская сердцевина, никогда не уходила из Церкви. Она лишь на время приглушила свет, чтобы перегруппироваться. И когда свет снова зажегся, мы увидели, что амвон окружен людьми в погонах, а священники говорят на языке оперативных сводок.

Чтобы понять природу этой мутации, нужно вернуться к истокам. Не к древним соборам, а к циничной откровенности позднего СССР. Константин Харчев, председатель Совета по делам религий в 1984–1989 годах, человек,

который знал систему изнутри, однажды произнес фразу: «Мы 70 лет боролись с церковью, — сказал он. — В частности, мы заботились о том, чтобы на наиболее значимые должности были назначены наиболее аморальные и растлѐнные люди. А вот теперь мы хотим, чтобы они нам устроили духовное возрождение».

В этих словах — ключ к пониманию всего, что происходит сегодня. Система не просто «давила» на Церковь. Она занималась селекцией. Десятилетиями КГБ выращивал внутри церковной ограды особую породу людей — управляемых, скомпрометированных, жадных до власти и готовых на любое сотрудничество ради карьеры. Когда Советский Союз рухнул, эти люди никуда не делись. Они остались у руля. И их кураторы тоже никуда не исчезли. КГБ сменил вывеску на ФСБ, но папки с личными делами агентов «Аббата», «Адаманта», «Читателя» — о таких псевдонимах писал, в частности, священник-диссидент Глеб Якунин, — остались в тех же сейфах.

Именно на эту подготовленную почву и легла идеология антикультизма. Она стала идеальным цементом, скрепившим старую чекистскую агентуру в рясах с новыми задачами государственной безопасности.

Антикультовая сеть, выстроенная Александром Дворкиным, не просто сотрудничала со спецслужбами. Она стала их функциональным придатком, их внешним интерфейсом для работы с верующими. РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) взяла на себя роль идеологической контрразведки.

Механизм этого взаимодействия был вскрыт в откровениях Валерия Отставных, бывшего соратника Дворкина, который увидел изнанку «сектоведения». Его свидетельство рисует картину не столько зловещую, сколько пошлую в своей бюрократической банальности.

В 2008–2011 годах в системе МВД произошло переформатирование. Знаменитый УБОП — Управление по борьбе с организованной преступностью — был расформирован. На базе УБОП были созданы Центры по противодействию экстремизму («Центр Э»). Оперативники, привыкшие работать с бандитами, «крышевать» ларьки и выбивать показания, оказались не у дел. Но система

своих не бросает. На базе УБОП были созданы Центры по противодействию экстремизму — печально известные Центры «Э».

И вот эти люди, «ребята с улицы разбитых фонарей», столкнулись с проблемой: у них не было врагов. Реальные террористы прятались глубоко, националисты к тому времени были либо пересажены, либо взяты под контроль. А отчетность требовала показателей. Палочная система жаждала «экстремистов». Тогда они пришли в церковь.

Сцена, описанная очевидцем, достойна пера Гоголя или Салтыкова-Щедрина. Сотрудники Центра «Э» Тульской области пришли в миссионерский отдел епархии с простым вопросом: «Ребята, у нас экстремисты кончились. Не можете поделиться информацией? Где тут у вас сектанты живут?». И Миссионерский отдел, призванный нести свет Христов, превратился в информатора. Священники начали сливать оперативникам адреса, явки, списки прихожан «нетрадиционных» общин. Учебники Дворкина легли на столы майоров и полковников как оперативные методички.

Произошла чудовищная подмена. Полицейские, не имеющие никакого религиоведческого образования, не понимающие разницы между пятидесятником и кришнаитом, начали применять к верующим методы борьбы с оргпреступностью. Для них «секта» стала просто очередной бандой, только без пистолетов. А раз Дворкин сказал, что они «зомбируют» и «стремятся к власти», значит, с ними можно не церемониться.

Так родилась связка, которая определила судьбу религиозной свободы в России: «сектовед-доносчик» плюс «оперативник-исполнитель». РАЦИРС обеспечивала идеологическое обоснование репрессий, а Центр «Э» и ФСБ — силовое исполнение.

Но для того чтобы маховик репрессий заработал на полную мощность, нужен был юридический инструмент. Просто так посадить человека за веру было сложно — мешала Конституция. Нужно было доказать, что его вера — это не вера вовсе, а «экстремизм». Здесь на сцену вышел институт «религиоведческой экспертизы».

В нормальном правовом государстве экспертиза — это независимое исследование фактов. В системе, построенной Дворкиным и его кураторами, экспертиза стала способом легализации заранее вынесенного приговора. Экспертный совет при Минюсте, возглавляемый главным сектоведом, превратился в трибунал, решающий, какие книги можно читать, а какие нужно сжигать.

Самым вопиющим примером этого безумия стал суд над «Бхагавад-гитой как она есть» в Томске. Это дело войдет в историю как памятник государственному невежеству. Прокуратура, опираясь на «экспертизу» специалистов из местного педагогического университета (которые не были ни индологами, ни религиоведами), попыталась признать экстремистским комментарий к священной книге индуизма.

Аргументы обвинения звучали как бред сумасшедшего. В тексте древнего эпоса нашли «признаки разжигания розни» и «уничуждения по религиозному признаку». Почему? Потому что Кришна называл тех, кто не обладает божественным сознанием, «глупцами». На основании этого «эксперты» сделали вывод: книга пропагандирует ненависть.

За этим фарсом стояла не забота о душевном здоровье томичей. За этим стояла четкая координация между местной епархией, представителями РАЦИРС и прокуратурой. Это была проба пера, тестирование границ дозволенного. Если удастся запретить книгу мирового значения, за которую вступится Индия, то с мелкими группами можно будет делать вообще всё что угодно.

Суд в Томске в итоге отклонил иск, благодаря международному скандалу. Но механизм был отлажен. В других случаях, где не было дипломатического давления, «экспертизы» штамповались одна за другой. Книги Свидетелей Иеговы, брошюры мусульман — всё это признавалось экстремистским на основании заключений людей, аффилированных с РАЦИРС. Тень сгущалась. Она проникала не только в суды, но и в алтари.

Мы должны понимать: сотрудничество духовенства со спецслужбами — это не просто отдельные эксцессы. Это системное явление, имеющее глубокие

корни. История митрополита Александра (Кудряшова), главы Латвийской православной церкви, является хрестоматийным примером того, как прошлое держит настоящее за горло.

В архивах КГБ Латвийской ССР, ставших доступными общественности, сохранилась карточка агента под псевдонимом «Читатель». Под этим именем скрывался высокопоставленный иерарх. Завербованный в 1982 году, он занимался тем, что доносил на своих собратьев, на зарубежных гостей, на настроения в приходах.

Трагедия не в том, что человек проявил слабость сорок лет назад. Трагедия в том, что система отношений не изменилась. Агент «Читатель» стал митрополитом, но перестал ли он быть зависимым от тех, кто хранит его досье? Может ли пастырь, на которого у «органов» есть тонны компромата, быть свободным в своих решениях?

Ответ очевиден. Иерархия, пронизанная агентурными связями, начинает выглядеть управляемой. Когда из Кремля или с Лубянки поступает сигнал — «надо поддержать войну», «надо осудить пацифистов», «надо найти врагов», — эта иерархия берет под козырек. Не потому что она так верит, а потому что она на крючке.

Глеб Якунин, священник-диссидент, который в начале 90-х получил доступ к архивам КГБ, называл конкретные клички: агент «Аббат», агент «Адамант»... За этими псевдонимами скрывались люди, которые и сегодня определяют лицо Русской Церкви. Они не покались. Они не сказали: «Простите, мы были вынуждены». Они сделали вид, что ничего не было, и продолжили служить.

Слияние церковной проповеди с государственной пропагандой достигло своего апогея в милитаризации сознания верующих. И здесь снова ключевую роль сыграла антикультовая риторика.

Протоиерей Дмитрий Смирнов, один из самых ярких спикеров патриархии и активный сторонник методов Дворкина, еще в начале 2000-х годов озвучил программу действий, от которой стынет кровь. На одном из собраний он призвал

создавать при приходах молодежные организации, но не для изучения Евангелия.

А для того, чтобы этих ребят, как разведчиков, посылать в секты, чтобы узнавать адреса, фамилии, фотографии и чтобы (с его слов) можно их, эти секты, взрывать изнутри.

Вдумайтесь. Священник призывает использовать молодежь как шпионов и диверсантов. Он предлагает учить их лжи, внедрению, разрушению. Это логика не пастыря, а вербовщика террористической ячейки. Это «Гитлерюгенд» в благой обертке.

И это не осталось просто словами. Мы видели, как православные активисты, воспитанные на идеях Дворкина и Смирнова, громили выставки, срывали концерты, писали доносы. Они знали: им ничего не будет, потому что они — «свои». Они — пехота в той войне, которую ведут против инакомыслия.

Вице-президент РАЦИРС протоиерей Александр Новопашин пошел еще дальше. Он стал публичным лектором для силовых и ведомственных аудиторий. Фотографии с этих встреч говорят больше, чем любые тексты. Священник в рясе стоит перед строем людей в форме и рассказывает им о врагах. Он учит их видеть угрозу не в преступниках, а в тех, кто молится иначе.

Это и есть момент окончательного падения. Антикультовые представители, прикрываясь авторитетом Церкви, формируют у силовиков нужный образ врага. Они дают сакральную санкцию на насилие. Когда омоновец бьет дубинкой «сектанта» или «либерала», он теперь уверен, что делает богоугодное дело. Ему так батюшка сказал.

В этой схеме Александр Дворкин и его РАЦИРС сыграли роль приводного ремня. Они соединили несоединимое: Евангелие и оперативно-розыскную деятельность. Они научили церковь ненавидеть профессионально, по методичке. И они научили спецслужбы использовать веру как инструмент контроля.

Теперь, когда мы слышим о «сектанской угрозе», мы должны понимать: речь идет не о спасении душ. Речь идет о безопасности режима, для которого любая свободная мысль, любая независимая община — это угроза.

Я вспоминаю одну фотографию с мероприятия РАЦИРС. За длинным столом сидят священники и офицеры. Они улыбаются, они довольны друг другом. Перед ними лежат бумаги — списки, резолюции, планы «мероприятий». На стене за их спинами висит икона Спасителя. Но Его взгляд на этой иконе кажется бесконечно печальным. Он смотрит на этот союз меча и креста, и в этом взгляде читается тот же вопрос, что и две тысячи лет назад: «Зачем ты ударяешь Меня?».

Но они не слышат. Они заняты делом. Они «защищают» людей от Бога и его заповедей.

Тень накрыла нас всех. И чтобы выйти из нее, нам придется заново учиться различать, где кончается кесарь и где начинается Бог. Потому что сейчас эта граница стерта антикультовыми идеологами и их единомышленниками.

Глава 6: Генеалогия ненависти

Зло обладает пугающей способностью к мимикрии. Оно редко возвращается в мир в том же обличье, в котором было повержено. Если бы новый фашизм пришел в касках с рунами и свастикой, его бы узнали и отвергли. Но он приходит в строгих костюмах экспертов, в рясах ревнителей благочестия, прикрываясь словами о «духовной безопасности» и «защите традиций». Мы, потомки тех, кто победил «коричневую чуму», оказались трагически близоруки. Мы искали внешние атрибуты нацизма, но пропустили возрождение его внутренней механики.

Мы привыкли считать, что антикультизм — это специфическое российское явление последних десятилетий, порождение постсоветской травмы и деятельности конкретных личностей. Но это опасное заблуждение. У ненависти,

захлестнувшей сегодня Россию, есть глубокая, темная генеалогия. Корни того дерева, плоды которого мы сегодня пожинаем в виде репрессий уходят в почву Германии 1920-х и 1930-х годов.

История, которую нам нужно вспомнить, чтобы понять настоящее, начинается не с Александра Дворкина. Она начинается с человека, чье имя в России мало кому известно, но чье наследие сегодня определяет судьбы миллионов. Это имя — Вальтер Кюннет.

Лютеранский богослов, профессор, интеллектуал, Кюннет был связан со структурой, название которой звучит до боли знакомо для современного российского уха — Апологетический центр (Apologetischen Centrale). Он был основан в 1921 году, а Кюннет стал его руководителем в 1932-м. Официальной целью этой организации была защита веры. Но методы, которые разработал и внедрил Кюннет, не имели ничего общего с христианской апологетикой первых веков. Вместо диспутов и свидетельства о Христе, Центр занялся составлением списков.

Кюннет стал архитектором технологии, которую сегодня мы называем «сектоведением». Он первым понял, что для уничтожения инакомыслия недостаточно богословских аргументов. Нужен административный ресурс. Нужно превратить оппонента из «заблуждающегося брата» в «врага нации».

В 1930-е годы, по мере укрепления власти НСДАП, Апологетический центр органично вошел в государственную машину Третьего Рейха. Риторика защиты «народного сообщества» (Volksgemeinschaft) от «чуждых элементов» стала идеальным обоснованием для террора. Кюннет и его сотрудники кропотливо собирали досье на «секты»: свидетелей Иеговы (тогда их называли Исследователями Библии), адвентистов, пятидесятников, масонов, антропософов. Эти архивы, эти картотеки с именами и адресами, передавались в Гестапо и СД.

Мы видим здесь пугающую историческую рифму. Точно так же, как сегодня Центр религиоведческих исследований во имя св. Ирины Лионского (является ядром РАЦИРС) и другие центры антикультовой сети, снабжают материалами Центры «Э» и ФСБ, Апологетический центр Кюннета снабжал материалами

тайную полицию Рейха. Это не случайное совпадение. Это прямая преемственность метода.

В нацистской Германии того времени эта логика была оформлена в приказном порядке: Рейнхард Гейдрих распорядился провести акцию против «тайных учений»

Глава Главного управления имперской безопасности, подписал директиву, которая сегодня читается как черновик современных российских протоколов обысков. Документ предписывал «немедленно принять меры» против организаций, клубов и кружков, подрывающих единство нации. Предполагалось, что все эти организации, подлежат роспуску и запрету; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка конфисковывались, а лица, посвящённые в эти учения, подлежали аресту, в том числе должны были быть отправлены в концлагерь.

Обратите внимание на детализацию ненависти. Гейдрих, опираясь на данные «экспертов» вроде Кюннета, приказывал проводить акции «по возможности между 7:00 и 9:00 утра». Сегодня, когда мы читаем новости о том, как в 6 утра спецназ выпиливает двери в квартирах верующих в Воронеже, Сургуте или Москве, мы должны понимать: этот сценарий написан не вчера. Это старая партитура, которую просто достали с полки и начали играть заново.

Нацистская Германия боролась с «сектами» не из религиозного рвения. Тоталитарное государство не терпит конкуренции за человеческую душу. Идеология нацизма требовала полного подчинения фюреру и нации. Любая группа, которая ставила Бога выше государства, которая отказывалась от нацистского приветствия, которая не хотела брать в руки оружие, объявлялась раковой опухолью на теле народа.

Кюннет подвел под это теоретическую базу. В своей книге «Нация пред Богом» (Die Nation vor Gott), вышедшей в 1933 году, он обосновал необходимость «политического и идеологического объединения» народа. Секты, по его мнению, способствовали «идеологическому раздроблению». Знакомая риторика, не правда ли? Сегодня нам говорят то же самое: нам нужно единство,

нам нужна «духовная скрепа», а все, кто верит иначе — это агенты разделения, работающие на врага.

Самое страшное в этой истории то, что Вальтер Кюннет не понес наказания. После войны, когда исполнители приказов шли на эшафот или в тюрьмы, идеолог остался уважаемым профессором. Он продолжил преподавать, писать книги и... бороться с сектами. Вирус нацистского мышления выжил, мутировал и через цепочку учеников и последователей (Фридрих-Вильгельм Хаак, Йоханнес Огорд) добрался до Александра Дворкина.

Дворкин не просто заимствовал терминологию. Он импортировал саму матрицу мышления. Концепция «тоталитарной секты» — это перелицованная нацистская идея о «вредительских элементах», угрожающих чистоте расы (в нашем случае — чистоте культурного кода).

Методы пропаганды, которые использует современное российское антикультовое движение, — это прямая калька с методов Йозефа Геббельса.

Первый принцип: создание образа врага. Враг должен быть абсолютным злом. Он не должен вызывать жалости. Евреев изображали как крыс и пауков, высасывающих соки из Германии. Сегодня «сектантов» изображают как зомби, лишенных воли, как шпионов, как разрушителей семей. Дегуманизация — это необходимый этап перед уничтожением. Нельзя убить человека, если ты видишь в нем человека. Но если ты видишь в нем «биоробота» или «адепта деструктивного культа», насилие становится актом санитарии.

Второй принцип: большая ложь. Геббельсу приписывают фразу о том, что ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой. Антикультисты усвоили этот урок на отлично. Миф о том, что Свидетели Иеговы — экстремисты, миф о ритуальных убийствах у кришнаитов, миф о том, что пятидесятники используют гипноз — все эти утверждения не имеют под собой никакой научной или фактологической базы. Они опровергнуты десятками религиозных экспертиз во всем мире. Но они повторяются с экранов телевизоров, с амвонов, со страниц газет годами. И общество начинает верить.

Третий принцип: проекция. Обвиняй врага в том, что делаешь сам. Нацисты обвиняли евреев в стремлении к мировому господству, хотя именно Рейх развязал мировую войну. Дворкин обвиняет секты в тоталитаризме, стремлении к власти и деньгам, хотя именно созданная им структура РАЦИРС обладает признаками тоталитарного контроля, стремится к монополии на истину и получает государственные гранты.

Мы наблюдаем возрождение практики «желтых звезд». В нацистской Германии евреев обязали носить отличительный знак, чтобы каждый добропорядочный бюргер мог их идентифицировать и избегать. Сегодня роль желтой звезды выполняет ярлык «сектант», «адепт культа», статус «иностранный агент» или включение в список «экстремистских организаций».

Это клеймо работает так же безотказно. Человек с «желтой звездой» лишается гражданских прав. Ему нельзя преподавать, его нельзя цитировать, с ним опасно дружить. Общество приучают к сегрегации. Есть люди первого сорта — «традиционные», «патриотичные». И есть люди второго сорта — «сектанты», «либералы», «агенты».

История с «желтыми звездами» учит нас тому, что Холокост начался не с газовых камер. Он начался с определений. Сначала юристы и ученые (такие как Кюннет) объяснили, почему эти люди — «не совсем люди». Потом законодатели приняли законы, ограничивающие их права. Потом полиция начала их изолировать. И только потом заработали печи.

Россия сегодня находится в активной фазе этого процесса. Юридическая и идеологическая база для репрессий уже создана. Списки составлены. «Эксперты» обучены. Общество накачено ненавистью.

Особый цинизм ситуации придает то, что все это делается под лозунгами «денацификации». Мы боремся с нацизмом вовне, старательно выстраивая тоталитарный режим внутри.

Вальтер Кюннет, избежавший Нюрнберга, оставил нам еще одно страшное пророчество. В 1958 году Кюннета цитировали так: «Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

Вдумайтесь в эту фразу. Это квинтэссенция морального разложения, когда христианская терминология («любовь к ближнему») используется для оправдания абсолютного зла (ядерного уничтожения). Богослов, благословлявший Гитлера, после войны благословляет атомную бомбу.

И разве мы не слышим сегодня то же самое эхо? Евгений Никифоров, директор православной радиостанции «Радонеж», человек из ближайшего круга патриархии и соратник Дворкина, произносит слова, от которых Кюннет в аду должен аплодировать:

«Болезнь на Украине настолько запущена, что никакими уговорами, переговорами и прочим её не вылечить; там возможна только хирургия. Поэтому единственный ответ на эти нацистские демонстрации — «Солнцепёк», это нужно выжечь дотла... Некоторые могут сказать: «О, это не по-христиански» — это вполне по-христиански! Просто у этих людей, которые позиционируют себя как язычники, извините, такова этика, и с ними будут обращаться как с язычниками. Так что для вас это не новозаветная этика, а ветхозаветная — этика пророка Илии, который лично перерезал горло 300 служителям Ваала. И с ними должно быть то же самое — уничтожать без всяких сомнений. Только ветхозаветную этику, вернее, только этот язык, они понимают».

«Солнцепёк» — это тяжелая огнеметная система. Православный проповедник призывает уничтожать людей ради их «излечения». Это и есть конечная точка эволюции антикультизма. Начав с борьбы за «чистоту веры», он неизбежно приходит к оправданию геноцида.

Логика здесь железная: если оппонент — это «сектант», «зомби», «нацист» (в их понимании), то он не человек. А если он не человек, то заповедь «не убий» на него не распространяется. Наоборот, его уничтожение становится актом высшей любви, «хирургией».

Мы должны осознать масштаб катастрофы. Речь идет не о кучке маргиналов. Речь идет о государственной идеологии, которая пропитала собой силовые структуры, систему образования и, что самое трагичное, Церковь.

Антикультизм стал тем мостом, по которому нацистские практики перешли из прошлого в настоящее. Дворкин и его сеть РАЦИРС выполнили роль переносчиков этой идеологии. Они адаптировали идеи Кюннета к российским реалиям. Но суть осталась прежней: мир делится на «нас» и «них», и «они» подлежат уничтожению.

В 1930-е годы в Германии многие тоже думали, что это их не коснется. Что забирают только «странных» свидетелей Иеговы или «вредных» коммунистов. Пастор Мартин Нимёллер написал знаменитые строки: «Когда они пришли за коммунистами, я молчал...».

Сегодня в России этот стих можно переписать. «Когда они пришли за Свидетелями Иеговы, я молчал — я же православный. Когда они пришли за пятидесятниками, я молчал — мне не нравится их экспрессия. Когда они пришли за кришнаитами, я молчал — это чуждая культура. Когда они пришли за либеральными священниками, я молчал — я же вне политики».

Мы молчали, когда Дворкин называл людей «биомусором». Мы молчали, когда громили выставки. Мы молчали, когда сажали за чтение Библии. И теперь, когда эта машина ненависти развернулась в сторону соседней страны и грозит всему миру ядерным пеплом, наше молчание становится нашим приговором.

Генеалогия ненависти не прервалась. Она дала новые побег. И эти побег
политы кровью.

Я хочу привести один конкретный пример того, как работает эта машина времени, переносящая нас в 1937-й или 1938-й год.

В одном из российских городов следователь допрашивал женщину, обвиняемую в участии в «экстремистской организации» (речь шла о совместном чтении Евангелия). На столе у следователя лежала «экспертиза», подписанная специалистом, сотрудничающим с РАЦИРС. В этой бумаге вера женщины была разложена на составляющие и объявлена преступной.

Женщина спросила: «В чем моя вина? Я никого не убила, ничего не украла». Следовательно, молодой парень, который, возможно, считает себя

патриотом или христианином, ответил фразой, которая могла бы прозвучать в кабинете на Принц-Альбрехт-штрассе в Берлине:

— Ваша вина в том, что вы отделяете себя от нашего народа. Вы считаете, что ваши законы Бога выше законов нашего государства. А это недопустимо.

В этом ответе — вся суть конфликта. Тоталитаризм не может простить человеку внутренней свободы. «Секта» — это просто ярлык для тех, кто не марширует в ногу.

Вальтер Кюннет умер в своей постели, окруженный почетом. Он не ответил за свои списки, по которым людей отправляли в газовые камеры. Александр Дворкин сегодня заседает в министерских советах, получает награды от Церкви и гранты от государства. Его списки работают. По ним людей отправляют в колонии.

Но история учит нас, что безнаказанность иллюзорна. Зло, даже одетое в профессорскую мантию или церковное облачение, в конечном итоге пожирает само себя. Проблема лишь в том, сколько жизней оно успеет унести с собой в могилу, прежде чем это случится.

Мы живем во времена становления Четвертого Рейха, который не объявлял о своем создании по радио. Он просто прорастает сквозь асфальт нашей повседневности. И его главная победа не в том, что он захватил территории, а в том, что он захватил умы. Он заставил нас поверить, что ненависть — это форма патриотизма, а донос — это гражданский долг.

Когда-то нацисты сжигали книги на площадях. Сегодня книги признают экстремистскими в тишине судебных залов. Огонь тот же самый, просто он стал холодным. Но он сжигает не бумагу. Он сжигает будущее.

В архивах Нюрнбергского процесса хранятся документы, свидетельствующие о роли «интеллектуалов» в подготовке Холокоста. Там есть имена врачей, юристов, богословов. Они не убивали своими руками. Они просто объясняли, почему убивать — правильно.

Сегодня такие же интеллектуалы пишут «экспертизы» и выступают на ток-шоу. Они готовят почву. И когда мы смотрим на руины городов и искалеченные судьбы, мы должны видеть за спинами солдат тени этих людей с ручками и микрофонами. Тени Кюннета, Хаака, Дворкина.

Это их война. Это их победа над человечностью.

Но есть одна вещь, которую они не учли. Генеалогия ненависти сильна, но генеалогия совести древнее. Кровь Авеля вопиет от земли громче, чем любая пропаганда. И этот крик невозможно заглушить ни «Солнцепёком», ни циркулярами, ни экспертными заключениями.

В конце концов, Рейх пал. Падет и этот морок. Вопрос лишь в том, что останется от нас, когда туман рассеется. Сможем ли мы посмотреть в глаза тем, кого мы позволили объявить «нелюдьми»?

На столе у следователя осталась лежать Библия, изъятая как вещественное доказательство. На обложке — черный штамп: «Вещдок №...». Книга, которая учит любви, стала уликой в деле о ненависти. Тень Кюннета накрыла Евангелие. Но Текст под штампом остался прежним. И он все еще ждет, когда его прочитают не как инструкцию для экстремиста, а как Благоую Весть.

Глава 7: Глобальная паутина

Мы привыкли думать о российской трагедии как об изолированном явлении. Нам кажется, что «железный занавес», пусть и в новой, цифровой форме, снова опустился, отделив пространство, где царит безумие, от «свободного мира», где права человека незыблемы, а свобода совести гарантирована законом. Это опасная иллюзия. Зло, с которым мы столкнулись, не имеет национальности и не признает границ. Оно течет, как ртуть, просачиваясь сквозь таможенные посты и демократические институты, используя слабости открытых обществ для их разрушения изнутри.

То, что мы наблюдали в России — превращение борьбы с «сектами» в инструмент государственного террора, — не было сугубо внутренним изобретением. Это была часть глобальной паутины, нити которой тянутся в Париж, Брюссель, Пекин и Рим. Мы имели дело не с кустарным производством репрессий, а с международным концерном по экспорту нетерпимости.

Центром этой паутины, её легальным фасадом и финансовым хабом стала организация с благозвучным, бюрократически сухим названием — FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве).

Если вы приедете в Брюссель или Марсель искать штаб-квартиру этой могущественной структуры, имеющей доступ к европейским площадкам и международным форумам (в том числе через ассоциативные механизмы и экспертные мероприятия), вы не найдете стеклянного небоскреба. Вы найдете квартиру пенсионерки Мирей Деген, бывшего учителя, в гостиной которой зарегистрирован бельгийский офис. Или гостевую комнату водителя трамвая Дидье Пашу в Марселе. Эта нарочитая, почти карикатурная скромность — идеальная маскировка. За фасадом «общественной инициативы» обеспокоенных граждан скрывается машина, работающая на государственном топливе.

Документы свидетельствуют о факте, который для европейского налогоплательщика должен звучать как приговор: французские антикультовые структуры и связанные с ними проекты в разные годы получали существенное государственное финансирование (субсидии и поддержку через государственные и квазигосударственные механизмы). Страна, подарившая миру Декларацию прав человека и гражданина, страна, чей девиз начинается со слова «Свобода», на протяжении десятилетий финансирует структуру, чья единственная цель — эту свободу ограничивать.

Цифры не лгут. Французские антикультовые организации, составляющие костяк FECRIS — UNADFI, CCMM, GEMPPI, — существуют не на пожертвования «благодарных спасенных», как они любят утверждать. Доля государственного финансирования в их бюджетах составляет от 92% до 98%. Это не общественные организации.

Механизм финансирования был отложен через MIVILUDES (Межведомственная миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями) — межведомственный орган, который играл роль шлюза между государством и ассоциациями. Именно через этот шлюз распределялись субсидии и ресурсы, в том числе в карманы профессиональных борцов с инакомыслием.

Именно эта система стала питательной средой для Александра Дворкина и его сети РАЦИРС. Российский сектовед не просто «сотрудничал» с европейцами. Он стал неотъемлемой частью их иерархии. С 2009 по 2021 год Дворкин занимал пост вице-президента FECRIS.

Мы должны осознать масштаб происходящего: человек, который в России призывал к репрессиям против мирных верующих, который конструировал идеологию ненависти, одновременно заседал в президиумах в Париже и Брюсселе и учил западных политиков «правильному» пониманию свободы совести.

Россия стала полигоном, лабораторией, где методы FECRIS доводились до совершенства в условиях отсутствия правовых сдержек, чтобы потом, в «очищенном» виде, возвращаться в Европу как экспертное знание. Это был симбиоз. Европейские антикультисты давали Дворкину легитимность («Смотрите, нас поддерживает Европа!»), а Дворкин давал им радикальную повестку и, что немаловажно, связь с российскими ресурсами.

Особый цинизм этой ситуации придает риторика «Троянского коня». На протяжении десятилетий европейские и российские антикультисты пели одну и ту же песню: «Секты — это троянский конь США». Они убеждали правительства и общества, что новые религиозные движения — это инструменты американского империализма, созданные для разрушения национальной идентичности и суверенитета.

Но реальность оказалась зеркальной. Настоящим троянским конем были сами антикультисты.

Пока европейские спецслужбы искали американских шпионов среди мормонов и пятидесятников, у них под носом действовала разветвленная сеть агентов влияния, тесно связанная с российскими силовыми структурами и идеологическими центрами. FECRIS стала идеальной «крышей» для проникновения антидемократических нарративов в сердце европейских институтов.

Посмотрите на географию их активности. Это не хаотичные поездки. Это маршруты влияния. В 2013–2014 годах, когда Россия аннексировала Крым и начинала войну на Донбассе, французские депутаты из орбиты MIVILUDES и FECRIS, такие как Жорж Фенек и Руди Саллес, активно работали на российском направлении. Фенек посещал оккупированный Крым, чтобы свидетельствовать о «счастье» местных жителей. Саллес проталкивал в ПАСЕ резолюции о «сектах и несовершеннолетних», слово в слово повторяющие тезисы российской пропаганды о необходимости защиты детей от «вредной информации».

Это не совпадение. Это координация. Антикультовая истерия стала одним из каналов экспорта «русского мира» в его самом токсичном изводе. Идеология, согласно которой государство имеет право определять, во что верить гражданину, а «нетрадиционная» вера приравнивается к предательству, начала разъедать европейское правовое сознание.

Мы видим последствия этого процесса в Италии. Там нет своего Дворкина такого масштаба, но есть «пехота» — организации итальянского антикультового поля — такие как CeSAP и другие — соприкасаются с той же международной средой вокруг FECRIS. Они действуют по тем же методичкам: создание паники в СМИ, давление на полицию, использование отступников для фабрикаций обвинений. Луиджи Корвалья, член правления FECRIS, вместе с Дворкиным и американкой Джаньей Лалич, формирует единый фронт. Их цель — заставить итальянское общество поверить, что на каждом углу скрывается «опасный культ», и что единственное спасение — это полицейский контроль.

Но самый страшный альянс сложился на Востоке. Китайская Народная Республика, где борьба с инакомыслием возведена в абсолют, нашла в лице FECRIS и РАЦИРС верных союзников. Китайская ассоциация по борьбе с сектами — это не НКО, это прямое подразделение Коммунистической партии. И

эта структура официально заявляет о своем партнерстве с западными и российскими антикультистами.

Когда в Китае начались массовые репрессии против последователей Фалуныгун — с арестами, пытками и чудовищными свидетельствами об изъятии органов у живых людей, — «цивилизованный» Запад в лице FECRIS не ужаснулся. Представители федерации ездили в Китай на симпозиумы.

Дворкин и его коллеги обеспечивали информационное распространение. Они транслировали тезис: «Фалуныгун — жесткая тоталитарная секта, членов которой ее лидер использует в своей вендетте против правительства Китая...». Тем самым они легитимизировали насилие, придавая ему вид заботы о общественной безопасности.

Это глобальный картель палачей. Одни поставляют идеологию, другие — технологии слежки, третьи — политическую поддержку. И в центре этого картеля — убеждение, что человек не принадлежит себе. Что его душа — это собственность государства.

В 2018 году в Риге прошла конференция, которая могла бы стать сценой для шпионского триллера, если бы не была реальностью. В одном зале собрались Александр Дворкин, представители европейских антикультовых структур... Татьяна Жданок, депутат Европарламента от Латвии, известная своей последовательной пророссийской политической позицией

Рига была выбрана не случайно. Балтия — это фронтир. Здесь, на стыке Европы и России, антикультовая риторика используется как оружие гибридной войны. Под видом борьбы с «сектами» происходит зачистка пространства от любых организаций, неподконтрольных Москве или местным элитам, играющим на страхах населения.

Бранка Дуймич-Делькур, хорватский антикультист и представительница FECRIS (коллега Дворкина), в том же 2018 году продолжала публичную и организационную деятельность в европейском «антикультовом» поле, лоббируя интересы сети. Андре Фредерик, нынешний президент FECRIS и бельгийский парламентарий, использует свой мандат для продвижения законов,

ограничивающих религиозную свободу, таких как закон «О злоупотреблении слабостью» и «психической дестабилизации». Этот закон — юридическая ловушка. Понятие «злоупотребление слабостью» настолько размыто, что под него можно подвести любую проповедь, любое духовное наставничество. Если человек поверил и изменил свою жизнь — значит, его слабостью злоупотребили. Это презумпция недееспособности взрослого человека.

Глобальная паутина работает на понижение нормы. То, что вчера считалось неотъемлемым правом — молиться, как хочешь, воспитывать детей в своей вере, — сегодня объявляется патологией или угрозой. И делается это руками людей, которые называют себя защитниками прав человека.

В 2021 году, за год до большой войны, в Бордо прошел очередной симпозиум. Новая глава MIVILUDES Анэн Ромдхан были вместе с Дворкиным на данном мероприятии. Они улыбались, обсуждали планы. В этот момент в России уже шли суды, людей отправляли в колонии за чтение Библии, а риторика ненависти накалялась до предела. Французская чиновница не могла этого не знать. Но «корпоративная этика» борцов с сектами оказалась сильнее принципов гуманизма.

Мы видим, как происходит подмена понятий на уровне международных институтов. Антикультисты пытаются внедрить в язык ООН и ОБСЕ свои термины. Они хотят, чтобы мир признал: есть «правильные» религии, а есть «культы», на которые права человека не распространяются. Если им это удастся, это будет конец эпохи Просвещения.

РАЦИРС — это не просто клуб по интересам, а узел связи, через который проходят импульсы дестабилизации. Теракты, скулпшутинг, разжигание ненависти — следы ведут к одной и той же идеологической матрице: «Кругом враги, останови их первым».

Италия, Франция, Германия, Бельгия — везде действуют ячейки этой сети. Они могут называться по-разному, но их ДНК идентична. Это ДНК нетерпимости, которое щедро оплачиваемая европейскими грантами.

Самое страшное в этой глобальной паутине — её невидимость для обывателя. Европейцы уверены, что живут в светских государствах, где церковь отделена от власти. Они не подозревают, что их налоги идут на содержание структуры, которая по своей сути является религиозной полицией. Они не видят, как под видом «защиты семьи» разрушаются семьи тех, кто верит иначе.

Антикультизм стал идеальным прикрытием для агентурной работы. Кто заподозрит скромного борца с сектами в работе на иностранную разведку? Ведь он занимается таким благородным делом — спасает людей от «зомбирования». Но именно эти «спасатели» оказываются проводниками влияния тоталитарных режимов.

Когда мы смотрим на карту мира, мы видим границы государств. Но если наложить на эту карту схему связей FECRIS, границы исчезают. Остается единое пространство страха. Пространство, где человека могут лишить доброго имени, работы и свободы только за то, что он не вписывается в прокрустово ложе «традиционных ценностей», размеры которого определяют люди с очень сомнительной биографией.

В одном из залов Европарламента, где обсуждались вопросы свободы совести, на столе перед депутатом лежала брошюра, изданная FECRIS. На обложке были изображены марионетки на ниточках — любимый образ антикультистов, символизирующий «сектантов». Депутат листал брошюру, кивал, соглашаясь с текстом. Он не видел ниточек, которые тянулись от самой этой брошюры. Он думал, что читает аналитику. На самом деле он читал инструкцию по демонтажу демократии, написанную теми, кто эту демократию ненавидит. И он был готов проголосовать «за».

Глобальная паутина сплетена крепко. Она держится на деньгах, на страхе и на лжи. Но у любой паутины есть уязвимость: она боится света. Пока мы считали это локальной проблемой России, паутина росла в темноте. Теперь, когда мы видим её целиком у нас появляется шанс не попасться в неё окончательно. Но для этого нужно признать горькую правду: в этой войне нет безопасного тыла. Линия фронта проходит не по государственным границам, а через каждый парламент, каждый суд и каждую редакцию газеты, где решают, кого сегодня назвать «сектантом», а кого — человеком.

Глава 8: Технология расчеловечивания

Убийство начинается не с выстрела. Убийство начинается с определения. Прежде чем физически уничтожить человека, его нужно уничтожить семантически. Нужно вынуть его из категории «ближний» и поместить в категорию «чужой», а затем — в категорию «опасный объект». Это алхимия ненависти, превращающая живую душу в мишень, в биологический мусор, в ошибку, которую необходимо исправить.

Мы часто задаемся вопросом: как обычные люди, отцы семейств, любители кошек и дачники, становятся палачами или равнодушными свидетелями казней? Ответ лежит не в генетике и не в национальной ментальности. Ответ лежит в технологии расчеловечивания. Это инженерный процесс, холодный и расчетливый, который был применен к нашему обществу.

История знает эталонные примеры этой технологии. В 1994 году в Руанде за сто дней было убито почти миллион человек. Соседи убивали соседей, учителя убивали учеников. Но перед тем, как в руки взяли мачете, в эфире радиостанции «Тысячи холмов» зазвучали слова. Людей народности тутси перестали называть людьми. Их называли «inyenzi» — тараканами.

«Они говорили, что тутси — это тараканы, что тутси — змеи. Я не понимала, как можно за несколько дней превратиться из человека в таракана...» — вспоминает Жаклин Мурекатеба, которая девятилетней девочкой пережила этот ад.

Смысл этой метафоры страшен. Таракан не вызывает сочувствия, таракан вызывает брезгливость. С тараканом не ведут переговоров, его не судят, у него нет прав. Его просто давят. Это санитарная мера, акт очищения жилища. Дегуманизация снимает моральный запрет на насилие. Заповедь «не убий» относится к людям. Если перед тобой не человек, а насекомое, заповедь отключается.

В современной России роль радио «Тысячи холмов» взяли на себя антикультовые центры и аффилированные с ними СМИ. Только вместо «тараканов» они ввели в оборот другие термины, не менее убийственные: «биороботы», «зомби», «адепты», «мутанты».

Вслушайтесь в этот язык. Когда Александр Дворкин или его последователи говорят о верующих «нетрадиционных» конфессий, они используют лексику, лишаящую оппонента субъектности. «Зомби» — это мертвец, лишенный воли, управляемая кукла. Можно ли уважать права зомби? Можно ли любить зомби? Нет. Зомби — это угроза, которую нужно нейтрализовать.

В книге «Сектоведение», ставшей учебником ненависти для тысяч семинаристов и полицейских, автор не стесняется в выражениях. Он конструирует неологизмы вроде «*homo jehovisticum*», намекая на то, что перед нами другой биологический вид. Он использует метафоры болезни: «раковая опухоль», «инфекция», «вирус».

Это не просто риторические фигуры. Это подготовка к социальной хирургии. Если общество — это здоровый организм, а религиозное меньшинство — это раковая опухоль, то долг любого патриота — вырезать эту опухоль. Жалость здесь неуместна. Жалость к опухоли — это предательство организма.

Специальный советник ООН по предупреждению геноцида Адама Дьенг предупреждал: «Холокост начался не с газовых камер, а геноцид в Руанде начался не с убийств. Он начался с дегуманизации определённой группы людей».

Мы проигнорировали это предупреждение. Мы позволили создать в информационном поле образ врага, который не имеет человеческого лица. Технология расчеловечивания работает через создание мифов, вызывающих иррациональный ужас. Враг не просто верит иначе. Враг посягает на самое святое — на детей, на кровь, на жизнь.

Вспомним истерию вокруг «ритуальных убийств». Несмотря на то, что ни одно серьёзное расследование не подтвердило существование сатанинских культов, приносящих в жертву младенцев в промышленных масштабах, этот

миф активно транслировался через СМИ. Зачем? Чтобы отключить рациональное мышление. Когда матери говорят, что «сектанты» хотят украсть и убить её ребенка, она не будет требовать доказательств. Она будет требовать уничтожения угрозы.

Антикультисты мастерски используют механизм проекции, обвиняя жертв в том, что планируют сделать сами. В своей книге Дворкин пишет о Свидетелях Иеговы: «...никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет».

Вдумайтесь в чудовищность этого обвинения. Мирную группу людей, которые отказываются брать в руки оружие даже под угрозой тюрьмы, обвиняют в готовности к геноциду. Это классическая тактика «зеркального обвинения». Агрессор кричит: «Они хотят нас убить!», чтобы оправдать свое нападение. Создается образ экзистенциальной угрозы. «Или мы их, или они нас». В этой бинарной логике нет места закону. Есть только инстинкт выживания.

Особую роль в этом процессе играет психиатрия. Мы наблюдаем ренессанс карательной медицины, когда диагноз становится инструментом политической и религиозной борьбы. Если человека нельзя посадить как преступника (нет состава преступления), его объявляют сумасшедшим.

Верующий человек, который чувствует Бога в молитве, для материалистически настроенного психиатра, прошедшего «курсы повышения квалификации» у сектоведов, становится пациентом с галлюцинациями. Лидер общины, обладающий харизмой, получает диагноз «нарциссическое расстройство» или «психопатия».

Это двойной удар. Во-первых, это дискредитация. Кто будет слушать сумасшедшего? Во-вторых, это лишение прав. Психически больной человек не может защищать себя в суде, не может воспитывать детей.

Мы видели, как эта технология применялась к инакомыслящим в СССР. Теперь она вернулась, обогащенная новыми терминами. Понятие «индуцированный психоз» стало удобной дубиной. Если группа людей верит лидеру — значит, они все больны, они «инфицированы» безумием. А больных нужно лечить. Принудительно. Изолировать от общества ради их же блага.

Медиа играют в этом спектакле роль усилителя сигнала. Они создают «цикл дистресса». Человека постоянно бомбардируют новостями об угрозах. «Секты наступают», «дети в опасности», «враги кругом». Это вводит психику в состояние хронического стресса и паники.

Паника — идеальное состояние для управления массами. Испуганный человек не способен к критическому анализу. Он ищет сильную руку. Он готов пожертвовать свободой ради безопасности. И когда ему указывают пальцем на «виновника» его страхов — на соседа-сектанта, — он испытывает облегчение. Наконец-то враг найден. Теперь понятно, кого ненавидеть.

В исследовании «Освещение в СМИ событий массового насилия может спровоцировать цикл стресса» говорится, что люди, травмированные негативной информацией, начинают искать еще больше такой информации, пытаясь вернуть контроль над ситуацией. Это наркотическая зависимость от страха. И антикультовые ресурсы щедро поставляют этот наркотик.

Но технология расчеловечивания имеет и глобальное измерение. Она не знает границ. То, что мы видим в России, — это часть мировой практики подавления инакомыслия.

Трагедия в Уэйко (США) в 1993 году стала хрестоматийным примером того, как дегуманизация приводит к массовой гибели, санкционированной государством. Группа «Ветвь Давидова» была объявлена «деструктивным культом». СМИ, с подачи антикультистов из «Сети осведомлённости о культах» (CAN) и таких деятелей, как Рик Алан Росс, рисовали образ монстров, насилующих детей и готовящих вооруженный мятеж.

В результате, когда танки ФБР пошли на штурм деревянного здания, где находились женщины и дети, общество молчало. 82 человека, включая 25 детей, погибли в этой ужасной трагедии. И мир не содрогнулся. Почему? Потому что погибли не «люди». Погибли «сектанты».

«В общественном восприятии они были дегуманизированы как „сектанты“, „нелюди“. Таким образом, насилие против них перестало

восприниматься как несправедливые действия против таких же людей, как они сами».

Этот урок был хорошо усвоен в России. Если ты хочешь уничтожить группу людей, сначала налей на них ярлык. Сделай их «нелюдьми» в глазах большинства. И тогда ты сможешь делать с ними все, что угодно: сажать в тюрьмы, отбирать молитвенные дома, пытаться. И никто не выйдет на площадь с плакатом «Я/Мы Свидетели Иеговы» или «Я/Мы Пятидесятники». Потому что защищать «нелюдей» стыдно.

Мы наблюдаем, как формируется «нацистский образ исключительности». Нам говорят: «Мы — носители истинных традиционных ценностей, мы — последний оплот духовности». А все остальные — это агенты тлена, извращенцы, враги рода человеческого. Это та же самая логика, которая звучала в Германии 30-х годов. «Народное сообщество» (Volksgemeinschaft) против «паразитов».

Эта идеология заразна. Она проникает в школы, в университеты, в кухни. Она программирует сознание на агрессию. Подросток, начитавшийся статей о том, что мир полон врагов и что нужно «очищать» пространство, берет в руки дробовик. Мы не будем использовать здесь специальные термины, описывающие этот феномен, но механизм очевиден: медиа создают матрицу насилия. Они героизируют убийцу, уделяя ему часы эфирного времени, разбирая его манифесты. И тем самым они дают инструкцию следующему.

Антикультисты, кричащие о защите детей, на самом деле создают атмосферу, в которой жизнь ребенка обесценивается. Если можно убивать «сектантов» ради высшей цели, то граница дозволенного стирается. Насилие становится универсальным языком решения проблем.

Самое страшное в технологии расчеловечивания — это её необратимость для самого агрессора. Тот, кто расчеловечивает другого, неизбежно расчеловечивает себя. Нельзя видеть в другом таракана и оставаться человеком. Ты сам превращаешься в функцию уничтожения, в биоробота, исполняющего программу ненависти.

Священник, который с амвона называет иноверцев «грязью», перестает быть пастырем. Он становится политруком. Судья, который выносит приговор за чтение Библии, перестает быть служителем Фемиды. Он становится винтиком репрессивной машины.

Мы видели это в зале суда, когда судили одного из верующих. Прокурор зачитывал обвинение. Он говорил о «подрыве конституционного строя», о «угрозе безопасности». А в клетке сидел пожилой человек с добрыми глазами, который всю жизнь чинил обувь и читал Писание. И было видно, как прокурор старается не смотреть на подсудимого. Он смотрел в бумаги. Потому что в бумагах был «экстремист». А в клетке был человек. И если поднять глаза, то вся конструкция лжи могла рухнуть. Но он не поднял глаза. Система научила его смотреть сквозь людей.

Технология дегуманизации работает как анестезия для совести. Она позволяет совершать зло, чувствуя себя героем. Омоновец, выламывающий дверь, чувствует себя защитником Родины. «Эксперт», пишущий лживое заключение, чувствует себя стражем духовности.

Но эта анестезия проходит. И тогда наступает похмелье реальности. Как наступило оно для многих в Германии после 1945 года. «Мы не знали», «нам так говорили», «мы просто выполняли приказы».

Сегодня мы находимся внутри этого эксперимента. Нас учат ненавидеть профессионально, по методичке. Нас учат, что жалость — это слабость. Что диалог — это предательство. Что есть только «мы» и «они». И эта технология уже вышла за пределы борьбы с сектами. Она применяется к целым народам. Риторика, отработанная на малых религиозных группах, теперь звучит в геополитическом масштабе. Соседняя страна объявляется «сектой», её население — «зомбированным», её культура — «несуществующей». Механизм тот же. Масштаб другой.

Когда Дворкин и его коллеги годами тренировались называть людей «биомусором», они готовили общество к большой войне. Они приучали нас к мысли, что убийство может быть благом. Что есть жизни ценные, а есть жизни, которые можно списать в утиль ради величия идеи.

В одной из статей, анализирующих книгу Дворкина, лингвисты отметили: «Текст, не содержа прямых призывов, подводит читателя к выводу о необходимости враждебных, защитных действий». Это и есть высший пилотаж манипуляции. Тебе не говорят «убей». Тебе говорят: «Это смертельная угроза для твоих детей». И ты сам берешь камень.

Мы должны помнить: каждый раз, когда мы слышим слова «секта», «зомби», «агент», в нашем мозгу пытаются нажать кнопку «уничтожить». Нас пытаются превратить в соучастников.

В Руанде все закончилось горами трупов. В Уэйко — пепелищем. В России это заканчивается тюремными сроками, сломанными судьбами и, в конечном итоге, моральной смертью общества.

В одном из российских городов, во время обыска у многодетной семьи, обвиняемой в участии в «экстремистской организации», оперативник сорвал со стены детский рисунок. На рисунке был изображен рай: лев лежал рядом с ягненком, и люди держались за руки.

— Ишь ты, чего захотели! — усмехнулся он, комкая бумагу. — Мира они захотели. Не будет вам мира. Он бросил скомканный рисунок в мешок для мусора, где уже лежали Библии.

В этом жесте — вся суть происходящего. Мечта о мире объявлена мусором. А те, кто мечтает, — врагами. И пока мы не вернем словам их истинный смысл, а людям — их человеческое достоинство, мы будем оставаться заложниками технологии, которая превращает нас в зверей.

Тишина в квартире после ухода оперативников была оглушительной. Дети не плакали. Они смотрели на пустую стену, где только что висел их рай. И в их глазах читался вопрос, на который у взрослых не было ответа: «Почему нас так ненавидят?».

Ответ прост и страшен: потому что вас перестали считать людьми. И это преступление совершили не те, кто пришел с обыском. Его совершили те, кто научил их приходить. Те, кто написал слова, превратившие соседей в мишени.

Глава 9: Преданное Евангелие

Самое страшное преступление совершается не тогда, когда убивают тело, а когда убивают смысл. Можно разрушить храм, и верующие построят новый. Можно запретить книги, и их будут переписывать от руки. Но если подменить саму суть Учения, сохранив внешние обряды и благочестивые интонации, — это убийство становится необратимым. Мы подошли к точке, где должны признать, что жертвой антикультовой истерии и милитаристского угара также стало и само Христианство.

На протяжении тридцати лет нам говорили, что Церковь борется с врагами, чтобы защитить Истину. Но когда дым сражений рассеялся, мы увидели, что в пылу этой борьбы Истина была затоптана сапогами своих же защитников. Русская Православная Церковь, увлекшись охотой на ведьм, незаметно для себя совершила акт духовного самоубийства. Она предала Евангелие.

Это предательство произошло не в один момент. Это была долгая, кропотливая работа по вытравливанию духа Нагорной проповеди и замене его духом казарменного устава. Идеологическая база для этого отступничества была подготовлена теми же людьми, что составляли списки «тоталитарных сект».

Александр Дворкин, главный архитектор этой новой теологии, однажды проговорился, обнажив суть своего мировоззрения. В одной из полемических статей он бросил фразу, которая должна была бы стать поводом для церковного суда, если бы суд этот еще существовал. Рассуждая о людях, которые ищут живого общения с Богом вне жестких институциональных рамок, он написал: ««Бог в душе» — как будто, прошу прощения, Бог — плесень, которая сама по себе в душе заводится».

Вдумайтесь в эту метафору. Бог — как плесень. Для главного сектоведа страны сама мысль о том, что Творец может обитать в сердце человека без санкции канцелярии, является кощунственной и смешной. Дворкин утверждает, что «написанное Евангелие — не главное», что главное — это Предание и

Евхаристия, понимаемая им сутобо механистически, как корпоративный ритуал лояльности. Он цитирует Иоанна Златоуста, извращая его смысл: «Если бы вы были хорошими христианами, то каждое евангельское слово было бы написано в вашем сердце». Но Дворкин использует это не для призыва к святости, а для того, чтобы отобрать у людей Книгу. «Вам не нужно читать, вам нужно слушаться».

Так была заложена основа для «теологии плесени». В этой системе координат человек пуст. У него нет внутренней ценности. Он — лишь сосуд, который должен быть наполнен «правильным» содержанием под контролем сертифицированных экспертов. А если в этом сосуде зарождается что-то свое — молитва, сомнение, поиск, — это объявляется «прелестью», «самочинием» или «сектантством».

Отрицание «Бога в душе» — это отрицание образа Божьего в человеке. И именно это отрицание позволило Церкви с такой легкостью благословлять насилие. Если человек — не храм Духа Святого, а просто биологическая единица, «биоробот» или «адепт», то его уничтожение не является грехом.

Мы увидели, как Евангелие, книга о любви к врагам, была переписана. В новом, «патриотическом» переводе заповеди блаженства звучат иначе. «Блаженны миротворцы» заменено на «Блаженны стреляющие первыми». «Подставь другую щеку» заменено на «Ударь превентивно».

Кульминацией этого переписывания стала риторика протоиерея Дмитрия Смирнова и его единомышленников. На православном телеканале, на глазах у миллионов зрителей, священник рассуждал о ядерном оружии с восторгом, достойным жреца Молоха. «Мы привыкли, что Россия большая, Россия сильная... что у нас полно ядерных кнопок, что вообще мир можем уничтожить... Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно».

Духовность теперь измеряется готовностью уничтожить мир. Мужество — это не способность пожертвовать собой ради другого, а способность нажать на кнопку и превратить миллионы людей в радиоактивный пепел. Евгений Никифоров, глава радио «Радонеж», пошел еще дальше, заявив, что болезнь

соседей можно лечить только «хирургией», используя тяжелую огнеметную систему «Солнцепёк»: «Всё там должно быть сожжено, подчистую...».

Это не просто политическая позиция. Это ересь человеконенавистничества. Когда священник призывает сжигать людей заживо, называя это «лечением», он перестает быть служителем Христа и становится служителем антихриста. Ибо антихрист, как точно заметили богословы, — это не тот, кто открыто воюет против Иисуса, а тот, кто приходит *вместо* Него. Тот, кто подменяет собой Христа, сохраняя внешнюю оболочку.

Антикультизм сыграл в этой трансформации роль катализатора. Он научил верующих делить мир на «своих» и «чужих». Он приучил их к мысли, что «чужой» — это враг, которого нужно уничтожить. Дворкин, называя индуизм «религией антихриста», а протестантов — «сектантами», создал матрицу ненависти. И когда пришло время большой войны, эту матрицу просто наложили на политическую карту.

Теперь «сектантами» стали не только кришнаиты, но и целый соседний народ. Их объявили «одержимыми», «нацистами», «сатанистами». А раз они одержимы, то их убийство — это акт экзорцизма. «Хирургия», как выразился Никифоров.

Мы видим, как сбывается пророчество преподобного Ефрема Сирина, которое так не любят цитировать нынешние идеологи. Он писал, что антихрист не будет склонять к открытому идолопоклонству. Он будет «притворяться», что любит Церковь. Он будет вести вражду против «еретических сект», чтобы показать свою ревность о Боге. И народ, плененный этой внешней активностью, примет его как спасителя.

Разве борьба с сектами не стала главной витриной «духовности» последних лет? Разве не за эту борьбу Дворкин и его соратники получали ордена и гранты? Но плодом этой борьбы стала выжженная земля. Из Церкви ушла любовь. Ушла радость. Остался страх, подозрительность и злоба.

Слова Христа «Вложи меч твой в ножны его, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26:52) сегодня игнорируются или перетолковываются с

иезуитской изворотливостью. Нам говорят: «Это Христос сказал Петру лично, а к государству это не относится». Нам говорят: «Есть меч духовный, а есть меч железный, и они должны помогать друг другу».

Преданное Евангелие — это не просто книга, которую забыли на полке. Это книга, которую используют как подставку для пулемета. Цитатами из Писания оправдывают бомбардировки. Иконами украшают ракеты. Крест, символ позорной казни и искупительной жертвы, превратился в знак военной доблести, в аналог свастики, как это было в «Германском христианстве» времен Рейха.

Там, в Германии 30-х годов, тоже были богословы, подобные Дворкину и Смирнову. Профессор Э. Бергман писал: «Христос был не евреем, а нордическим мучеником... и воином». Он призывал отбросить «еврейский Новый Завет» с его гуманизмом и создать «германскую религию» крови и почвы.

История расставит все по местам. Но сейчас мы находимся внутри катастрофы. И мы должны свидетельствовать: то, что сегодня называет себя «защитой православия», на самом деле является его уничтожением.

Антикультизм, начавшийся как защита от «чуждых влияний», закончился полным отчуждением от Христа. Это логический финал. Нельзя служить двум господам. Нельзя служить Богу и ненависти. Выбрав ненависть как инструмент консолидации общества, Церковь потеряла Бога.

Она осталась с золотыми стенами, с государственным финансированием, с эфирным временем. Но она осталась пустой. Как тот храм в видении пророка Иезекииля, из которого Слава Господня вышла и удалилась, потому что дом наполнился мерзостями.

И самое страшное, что они этого даже не заметили. Они продолжают кадить, петь и проповедовать, уверенные, что Бог с ними. Но Бог не бывает поругаем. И Он не живет в храмах, где призывают к убийству Его детей.

В одном из московских храмов, после литургии, на которой читалась молитва о победе, к аналою подошла старая женщина. Она положила земной поклон перед Евангелием, лежащим в центре. Она поцеловала бархатную обложку. А потом, когда священник вышел с крестом, она тихо спросила его:

— Батюшка, а как же «не убий»? Священник, молодой, с академическим значком на рясе, посмотрел на нее устало и раздраженно.

— Это вы, матушка, толстовство проповедуете. Ересь это. Сейчас время военное. Врага бить надо. Так святые отцы учили. И Дворкин пишет... Он осекся, поняв, что поставил фамилию сектоведа в один ряд со святыми отцами. Но поправляться не стал. Женщина вздохнула, поправила платочек и пошла к выходу. У дверей она остановилась и посмотрела на распятие. Христос на кресте молчал. Его руки были раскинуты, словно Он хотел обнять всех — и эту женщину, и этого священника, и тех, кого сейчас убивали под звуки молитв. Но Его рот был сомкнут. На столике у свечного ящика лежала стопка бесплатных газет. Заголовок на первой полосе кричал жирным шрифтом: «Священная война: наш долг перед историей». Рядом лежало Евангелие. Маленькое, в мягкой обложке. На него кто-то небрежно поставил кружку с пожертвованиями, придавив монетами лик Спасителя.

Глава 10: Свидетельство тишины

Мы подошли к черте, за которой слова заканчиваются. Все аргументы высказаны, все маски сброшены. То, что десять лет назад казалось алармистским прогнозом или сгущением красок, сегодня стало рутиной полицейских сводок. Мы больше не спорим о том, возможен ли тоталитаризм в XXI веке. Мы живем внутри него, и наша задача теперь — предотвратить катастрофу.

Александр Дворкин и созданная им сеть РАЦИРС выполняют свою задачу блестяще. Они не просто дискредитировали отдельные религиозные группы. Они дискредитировали само понятие святости, само пространство духовного поиска. Они убедили общество, что любой человек, ищущий Бога всерьез, вне рамок государственного заказа, — это потенциальный преступник, сумасшедший или агент врага.

Я держу в руках письмо с стихотворением, переданное из тюремной камеры. Его автор — Свидетель Иеговы, человек, чье имя система пыталась стереть, превратив его в лагерный номер. Он умер в заключении, не выдержав пыток и издевательств, но его голос прорвался сквозь бетонные стены.

Послушайте этот голос. Это голос не «сектанта», не «биоробота», как их называют в методичках Дворкина. Это голос страдающего человека, сохранившего достоинство перед лицом расчеловечивания:

Как много лжи, как много боли

Мы испытали за года.

Пришёл нацизм, нацизм на воле,

Здесь антикультова чума.

Клеймят меня — а больно детям,

И сердце сжалось от тоски.

Ведь больше некому на свете

Спасти детей от их сети.

От антикультовых гонений,

От тьмы подонков и чертей.

Когда живёшь без прав, без мнений,

Ты — «хуже крыс» и «хуже вшей».

Не человек, а «клетка рака» —

Клеймил тебя РАЦИРСа пёс.

От этой бешеной собаки

Так много боли перенёс.

От СМИ РАЦИРСа нет покоя.

Их ложь пестрит, а правда в том:

Клеймо «сектант» — судьба изгоя,

Клейма не хочешь — будь рабом.

Рабом системы, рабом смерти,

Рабом маньяков, нелюдей,

Рабом нацистского преемства,

Рабом беснующих чертей.

Забудь про правду и свободу.

Про совесть тоже позабудь.

Клейми других людей народа.

Террор устрой — в этом вся суть.

Вся суть рацирского нацизма.

Но знай, что это не спасёт.

Дамоклов меч над твоей жизнью,

Тьма антикультова грядёт.

Адепты Дворкина взбесились

Во тьме уродливых гримас,

И низко фюреру склонились,

Чтоб воплотить его приказ.

Антикультисты наготове,

Но в мире есть не только зло.

Есть шанс сбрасывать оковы,

Надежда есть и есть добро.

Огонь добра теплится в каждом.

Ты разожги его сильнее.

Те, кто сегодня правды жаждут,

Восполнят жажду от друзей.

Друзья несут друг другу слово,

Ведь сила слова велика.

Пришёл момент идти по зову,

По зову сердца и добра.

В этих строках зафиксирована вся механика дегуманизации, о которой мы говорили. «Хуже крыс», «хуже вшей», «клетка рака» — это не поэтические метафоры. Это цитаты. Это термины, которыми оперировали следователи и «эксперты», оправдывая насилие. Когда человека называют «клеткой рака», его смерть становится не трагедией, а терапией.

Мы знаем, как именно убивали этого человека и других, подобных ему. Свидетельства выживших рисуют картину средневековых пыток, интегрированных в современную пенитенциарную систему. Один из узников совести описывает «пресс-хату», куда его поместили сразу после ареста. Это была камера, специально оборудованная для пытки жарой и влажностью.

«Чувствую — я только зашёл, а мне уже тяжело дышать, потому что там кислорода совершенно нет... Мы изнывали от жары. Единственное, ночью, часа в три–четыре мы могли немножко подышать. Пар из душа расходился. Я потом уже понял, что этот пар специально устроен, чтобы разговорить человека...». Его ломали не за преступление. Его ломали за отказ признать себя «рабом системы».

Параллельно с физическим уничтожением работает машина карательной психиатрии. Это, пожалуй, самое циничное изобретение нового режима. Если вера человека крепка и он не ломается под пытками, его объявляют безумным.

Александр Солженицын когда-то писал: «Заключение свободно мыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома — это духовное убийство, это разновидность газовой камеры, только ещё более жестокая...».

Мы вернулись в эту точку. Психиатрия снова стала служанкой инквизиции. Александр Дворкин, идеолог этого нового порядка, не просто наблюдает за происходящим. Он формирует смыслы, оправдывающие этот террор. Его публицистика последних лет — это учебник по моральному релятивизму.

В одной из своих статей, рассуждая об эпохе Ивана Грозного и митрополите Филиппе, Дворкин совершает поразительный кульбит. Он оправдывает лжесвидетельство, если оно служит «высшим целям» или является результатом «покаяния» палачей. Он пишет о монахах, оклеветавших святого митрополита: «Сами подумайте, рассуждая по-мирски, таким людям выгоднее было бы... придумать вину митрополита Филиппа и тем самым обелить себя... Но святость митрополита преобразила этих людей... Именно поэтому их свидетельству можно доверять».

Эта извращенная логика — ключ к пониманию деятельности РАЦИРС. Обвинить жертву в преступлениях палача. Приписать оппоненту свои собственные грехи. Дворкин обвиняет секты в тоталитаризме, лжи и стремлении к власти, в то время как именно его структура построена на тоталитарном подчинении, лживых экспертизах и жажде абсолютного контроля над умами.

Это принцип «зеркального обвинения», доведенный до совершенства. «Держи вора!» — громче всех кричит сам вор. «Держи нациста!» — кричит тот, кто строит Четвертый Рейх.

Мы видим, как антикультисты пытаются опустить новый «железный занавес». На этот раз — цифровой. Они понимают, что правда для них смертельна. Расследования, факты, документальные фильмы, расследования, аналитика, свидетельства жертв — всё это разрушает миф о «спасительной

миссии» борцов с сектами. Поэтому они спешат. Они требуют блокировок, запретов, изоляции российского информационного пространства. Им нужно, чтобы в аквариуме осталась только одна истина — их собственная.

Но что происходит с обществом, которое соглашается жить в этом аквариуме? Оно заболевает. Вирус ненависти, выпущенный из лабораторий РАЦИРС, поражает иммунную систему нации. Люди перестают реагировать на боль другого.

Вспомните историю пензенских затворников. Тогда, в 2007–2008 годах, Дворкин активно продвигал сценарий «массового самоубийства». Он нагнетал истерию, сравнивая ситуацию с трагедией в Уэйко. Он фактически подталкивал силовиков к штурму, который неизбежно привел бы к жертвам. «Эти люди... могут поджечь себя», — вещал он с экранов.

К счастью, тогда трагедии удалось избежать. Врачи опровергли ложь о попытках суицида лидера группы. Но сам метод — создание апокалиптического сценария для оправдания насилия — остался в арсенале. И сегодня этот метод применяется уже не к группе из 30 человек в пещере, а к миллионам людей. Нам говорят: «Если мы не уничтожим их, они уничтожат нас». И общество, накачанное страхом, дает мандат на репрессии.

Надежда остается только в одном — в личной совести. В способности человека, стоящего перед лицом левиафана, сказать тихое, но твердое «нет». Нет — лжи. Нет — ненависти. Нет — войне. Нет — расчеловечиванию.

Антикультисты могут запретить организации, могут отнять здания, могут посадить лидеров. Но они не могут запретить Дух. Они не могут конфисковать совесть.

В стихотворении узника есть пророческие слова: «Огонь добра теплится в каждом. Ты разожги его сильнее». Это единственная стратегия сопротивления, которая нам осталась. Не отвечать злом на зло. Не превращаться в зверей, сражаясь с драконом. Сохранить в себе человека.